

18+

Егор Конюшенко
Большая книга ужасов. Том I

Егор Конюшенко

Большая книга ужасов. Том I

<https://litres.ru/74369894>

ISBN 9785007098601

Аннотация

Мрак и Ужас — сколько скрывают эти слова? Данная книга — своеобразный ответ на этот вопрос, ибо здесь собраны самые разные истории от разных героев. И каждую из них объединяет одно — встреча с Тьмой в самом разном её виде.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Рассказы	5
Тайна заброшенного приюта	5
Пауза в суете	14
Мелодия из пустоты	20
Ужас, скрытый в буране	46
Её голос в моей голове	70
Ночные тени стройки	86
Тот, кто стоит за окном	105
Разрушительная терапия	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Большая книга ужасов. Том I

Егор Конюшенко

© Егор Конюшенко, 2026

ISBN 978-5-0070-9860-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-9861-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Тайна заброшенного приюта

Бесшумные снежинки падали с пепельно-серого неба, придавая городу Речково мягкое белое покрывало. Иван Михайлов, молодой фотограф и путешественник с неумемной страстью к приключениям, впервые после долгих странствий возвращался в родной город. Он чувствовал усталость от исследований и скучал по уюту своей постели. Но мужчина даже не подозревал, что его ждет.

Возвращаясь домой, Иван ощутил вспышку любопытства, увидев вдалеке на опушке густого леса заброшенный сиротский приют, окруженный мрачными легендами. История о людях, погибших в огне забытого здания, разожгла в его воображении интерес. Раньше авантюрист слышал эти рассказы, но они никогда ранее не привлекали его внимание.

Подойдя к разрушающемуся фасаду приюта, по спине у Ивана пробежал холодок. Старый городской слух о детях-призраках, блуждающих по приюту ночью под лунным светом, смешался в его сознании с сомнениями и предвкушением. Он ощущал странное притяжение к тайнам скрытым за полуразрушенными стенами.

Однако у мужчины не было на это времени. Нужно было

подготовить дом покойных родителей для продажи. Успеть нужно было к приезду покупателя, которого Иван долго искал в интернете. Вспомнив об этом, фотограф поехал домой, оставив загадочное здание позади.

Доехав до избы, Михайлов взгляделся в затемненные окна старой избышки. Здание стало для него обузой, ненужной собственностью, которую он долгое время пытался продать. Он пробрался внутрь. Впереди был день кропотливой работы, пока он занимался уборкой и подготовкой помещения для потенциального покупателя.

Когда последние лучи солнечного света пробились сквозь тяжелые тучи, Иван удалился в пыльный угол дома, на скромную импровизированную кровать, которую он соорудил, чтобы отдохнуть после своих изнурительных трудов. Сон заключил его в свои объятия, но этот сон был беспокойным. Ивана, мучает ночной кошмар, который, казалось, сливал реальность с навязчивыми историями, услышанные им.

Во сне языки пламени омывали стены заброшенного приюта, окутывая его угрожающим сиянием. Сердце Ивана колотилось от страха, когда он видел своих родителей с искаженными лицами в пылающих пламенем муках. Это удивило мужчину, ведь на самом деле его отец скончался в пьяной драке, а мать умерла от менингита. Прошрое и настоящее смешивались в его тревожном сознании.

Вздвогнув, проснувшись с капельками пота на лбу, Иван обнаружил, что находится на перепутье. Ненасытное любо-

пытство терзало его, побуждая встретиться лицом к лицу с легендой, которая соткала свои чары вокруг заброшенного сиротского приюта. Его телефон, верный спутник в его многочисленных путешествиях, лежал рядом с ним. Руки Ивана слегка подрагивали, когда он поднимал его, чувствуя тяжесть долга фотографа и непреклонный зов собственной любознательности.

Хотя рациональная часть его разума предупреждала об опасностях, таящихся в этих стенах с привидениями, Иван не мог устоять перед искушением, которое маячило перед ним. С решимостью, подкрепленной стремлением запечатлеть неопознанное, он надел свое теплое пальто и отправился на поиски при лунном свете, чтобы разгадать секреты заброшенного детского дома в городке Речково.

Вскоре Иван добрался до места назначения и осторожно вошел в заброшенный приют. Скрипучие половицы вздыхали под его ногами. Поначалу атмосфера казалась устрашающей, но лишенной какого-либо намека на сверхъестественное. Однако он и не подозревал, какие тайны ожидали его в этих разрушающихся коридорах.

Когда он провел пальцами по облупившимся обоям, глаза Ивана уловили какое-то движение. Его взгляд остановился на картине, криво висевшей на стене. Это был очаровательный пейзаж, но по мере того, как он пристально вглядывался, сцена, казалось, менялась прямо у него на глазах. Тихие

луга превратились в зловещую картину, наполненную гротескными существами и лицами, искаженными в агонии.

Холодок пробежал по спине Ивана, его ладони стали липкими, когда он попытался осмыслить то, чему только что стал свидетелем. Сомнение и неверие боролись в нем, пока внезапный толчок движения не прервал его мысли. Старый пыльный стул, когда-то забытый в углу, пронесся через всю комнату, его ножки скребли по потертому деревянному полу.

Тихий вздох сорвался с губ Ивана, когда он наблюдал, как тени танцуют на стенах, их извилистые движения были похожи на движения призраков, наблюдающих за незваным гостем. Комната, теперь пропитанная потусторонней энергией, казалась гнетущей. Страх закрался в сердце Ивана, побуждая его уйти, но что-то удерживало его. Перед своим уходом он сделал несколько снимков приюта. Даже успел заснять, как только что висевшая картина с грохотом рухнула на пол, а тени пытались дотронуться до мужчины, но вспышки телефона отгоняли их, заставляя уходить во тьму. После жуткой фотосессии Иван, наполненный страхом и удовлетворением, уехал назад в избу.

Той ночью, когда Иван лежал в своей постели и уснул, ему снова приснился кошмар. Сиротский приют стоял перед ним, охваченный пламенем, которое яростно потрескивало. Отчаянные крики и мольбы о спасении пронзали воздух, смешиваясь с едким запахом дыма. Беспомощные фи-

гуры метались среди хаоса, их отчаянные попытки спастись наталкивались на тщетное сопротивление. Некоторые сгорели живьём, когда их прижало тяжелыми деревянными балками, в то время как другие задохнулись, хватая ртом воздух, который был поглощен ненасытным огнем.

Когда первые лучи солнца нежно коснулись сельской местности, Иван проснулся, его разум медленно выныривал из туманных объятий сна. Проснувшись, он потянулся и протер глаза, пытаясь собраться с мыслями. Иван обнаружил, что весь в холодном поту, а яркие образы его ночного кошмара врезались в память. Это было так, как если бы духи нашептывали свои мучения прямо в его душу, оставляя его с глубоким пониманием тёмной истории приюта.

После этого мужчина взял телефон и попытался зайти в интернет, чтобы узнать историю старого приюта, но интернета в маленьком городке не было.

Вздыхнув, Иван смирился с этим фактом. Чтобы развеяться, он отправился на прогулку по городу. Во время прогулки он дошёл до заброшенного приюта, зашёл в него и обнаружил, что последствия вчерашней ночи исчезли без следа.

Недолго думая, путешественник сделал ещё несколько фотографий на свой телефон и вышел из сгоревшей постройки. После непродолжительной прогулки Иван вернулся в дом.

Через несколько часов к дому подъехала машина потенциального покупателя. И вот потенциальный покупатель от-

правился в скромное жилище Ивана, привлеченный слухами о причудливой хижине, уединенной среди серенады природы. Двое мужчин встретились, обменялись любезностями и вскоре вступили в оживленные переговоры. Вскоре они договорились о цене.

В конце концов, было достигнуто гармоничное соглашение, и Иван неохотно расстался со своим заветным убежищем, понимая, что перемены — это неизгладимая часть жизненного гобелена. Покупатель ушел, оставив Ивана с кисло-сладкой смесью облегчения и ностальгии, бурлящей в нем.

Когда мужчина выезжал из деревни, его глазам представило жуткое зрелище. Полуразрушенный сиротский приют исчез со своего исконного места. Вместо этого на этом месте разрослись дикие сорняки, бросая зловещую тень на сердце Ивана.

Съедаемый любопытством, любознательный путешественник на обратном пути наткнулся на местного жителя деревни. Набравшись смелости поинтересоваться судьбой детского дома, он обратился за ответами к прохожему. Как выяснилось, детдом давно снесли.

Укол грусти кольнул Ивана, его разум изо всех сил пытался примирить навязчивое отсутствие детского дома с сохранившимися воспоминаниями. Шепот прошлого, некогда заключенный в его стенах, теперь развеян ветрами перемен.

В этот момент Иван понял, что он тоже должен смириться

с меняющимся ландшафтом своей собственной жизни. Точно так же, как сиротский приют пал жертвой неумолимых сил прогресса, его любимая хижина теперь принадлежала другому, навсегда изменив ход его существования.

С грузом забытой истории, Иван доехал до дома. Михайлов поспешно отпер дверь своей тускло освещенной квартиры и шагнул внутрь. Тяжесть событий, произошедших ранее в этот день, все еще тяжело давила на его сознание. Ему нужны были ответы, и они были нужны ему сейчас. Не теряя ни секунды, он включил свой компьютер, жужжание жесткого диска наполнило комнату, когда он начал искать информацию о заброшенном приюте.

Когда браузер загрузился, на экране быстро появилось множество статей и форумов. Глаза Михайлова пробежали по тексту, его пальцы заплясали по клавиатуре, углубляясь в историю приюта. Он обнаружил, что он расположен в тихом городке Речково, некогда простой деревне на окраине, спокойной до разгула Октябрьской революции 1917 года.

Михайлов с трудом мог постичь всю глубину ужасов, которые развернулись много лет назад. Приют просуществовал, являясь убежищем для уязвимых слоев населения, до 1942 года, когда нацисты напали на деревню. Они безжалостно загнали колеблющихся женщин и испуганных детей в приют, заключив их в его вызывающие скромные стены. Пламя разрушения пожирало убежище, поглощая невинные души, оказавшиеся в ловушке внутри. Образы трагедии

мелькали в его сознании, как навязчивый фильм, поглощая его мысли.

Наступили сумерки, накинув свой чернильный плащ на просторы города. Глаза Михайлова метались взад-вперед под закрытыми веками, погружая его в яркий сон. Он обнаружил, что стоит посреди хаоса прошлого, становясь свидетелем ужасной гибели приюта от рук нацистов. Крики ужаса пронзили воздух, когда они подтолкнули ничего не подозревающих жертв навстречу их гибели.

Едкий запах дыма и горящей плоти вторгся в его сознание, наполняя отчаянием. Те немногие счастливицы, которым удалось вырваться из лап ада, были встречены дождем пуль. Их мимолетная надежда безжалостно растоптана безжалостными захватчиками.

А затем, в разгар кровавой бойни, горящее сооружение рухнуло, раздробленное и крошащееся под тяжестью своей истории. Нацисты отступили в темноту ночи, не оставив после себя ничего, кроме руин. Михайлов наблюдал, как обугленные обломки растворяются в темноте, исчезая, как далекое воспоминание.

Его глаза распахнулись, остатки сна цеплялись за его подсознание. Комнату окутало ощущение жуткого спокойствия. В наступившей тишине ночи не осталось и следа от тех зверств, которые терзали его разум всего несколько мгновений назад. С приливом решимости Михайлов отбросил тревожные мысли в сторону и потянулся за книгой, лежавшей

у его кровати.

Запах книжных страниц наполнил его ноздри, когда он погрузился в чтение, ища утешения и спасения от навязчивых образов, которые преследовали его. Затерянный в царстве чернил и бумаги, он на несколько часов начисто забыл о произошедшем. Когда книга была прочитана, мужчина достал свой телефон и открыл галерею с фотографиями. Там он обнаружил все те снимки, которые успел сделать в приюте. На них было отчётливо видно всё, что происходило в этом здании позавчера ночью и вчера утром. Этот факт заставил мужчину задаться лишь одним вопросом: «что это было»?

Пауза в суете

Здравствуйте. Меня зовут Сэм, и мне срочно нужно вам кое-что сказать. События, которые произошли со мной, не поддаются никакому научному объяснению... И все это началось несколько недель назад, когда у моей жены Кэт умерла бабушка Миртл. Для моей жены она заменила родителей, которые по личным причинам развелись и бросили свою дочь. Как вы можете себе представить, эта потеря была очень тяжелой для Кэт. Она чувствовала себя потерянной и сломленной, неспособной справиться с всепоглощающим горем, которое поглощало ее каждую минуту бодрствования.

Однако она не плакала, не заламывала руки, а просто была печальна. Это было видно по ее измученному взгляду и по тому, как она, казалось, ушла в себя. После смерти бабушки моя возлюбленная перестала заботиться о себе, ее некогда кипучая энергия сменилась всепоглощающим чувством усталости и апатии от непрекращающейся городской суеты.

Затем один из моих хороших друзей, Смит Такер, порекомендовал мне провести месяц или два с Кэт где-нибудь за городом. В деревне или маленьком городке, чтобы сбежать от городской суеты. Поскольку я был фрилансером, вариант провести месяц где-нибудь в маленьком городке, где был интернет, показался мне неплохим.

Позже, когда я рассказал Кэт обо всем, она согласилась,

но нужно было договориться с боссом. Подробности, я думаю, здесь излишни, и поэтому сразу скажу, что все получилось. После этого также не без трудностей нам удалось договориться об аренде подходящего дома. В результате мы оба достигли своих целей...

Пунктом назначения для нас был город Лейзанд, где мы с моей любимой поселились на месяц. Когда наша машина остановилась у дома по указанному адресу, я почувствовала легкость в груди. Вид этого дома на лоне природы, окруженного зеленью и покоем, заставил меня поверить, что здесь мы обретем заслуженный покой. В тот весенний день красоту этого места дополняли шум ветра и пение птиц.

В первый день на новом месте мы разместили все необходимое и познакомились с соседями. Вернее, с соседом, сморщенным стариком через дорогу по имени Денис. В нашем первом диалоге с ним мы обменялись любезностями, немного рассказали о себе. Сначала я рассказала ему о себе, а потом, когда мы с Кэт пришли к нему вечером после всех приготовлений, он рассказал мне о себе. Я мало что запомнил о нем, только то, что он увлекается охотой и рыбалкой, а также то, что у него есть пара взрослых внуков, которые редко с ним общаются.

После этого мы с Кэт немного прогулялись по городу, рассматривая местные «достопримечательности». В двух словах, город был самым обычным. В той его части, где я гулял,

я нашел пару магазинов, что-то вроде кафе и кучу частных домов. Короче говоря, день прошел отлично, но вот и ночь...

Когда мы поселились в нашем новом доме, я не мог отделаться от ощущения, что что-то было не совсем правильно. Воздух казался тяжелым, атмосфера сгустилась от непонятного напряжения. Кэт, будучи ещё с утра очень весёлой и жизнерадостной, казалась подавленной, будто над ней нависла темная туча. Мы обменялись встревоженными взглядами, оба чувствуя, как на нас наваливается груз необъяснимого беспокойства.

Сам дом был причудливым и очаровательным, со скрипучими половицами и широкими окнами, из которых открывался вид на безмятежную городскую местность. Окрестности были живописными, с пологими холмами и извилистыми ручьями, но было какое-то скрытое предчувствие, которое я не мог точно определить.

Той ночью, когда мы улеглись в постель, темнота, казалось, давила на окна, а тишина была удушающей. Я не мог отделаться от ощущения, что мы не одни, что что-то скрывается в тени, прямо за пределами нашего поля зрения. И когда я погрузился в беспокойный сон, я не мог отделаться от ощущения, что вскоре должно случиться страшное...

Ночная тьма окутала Лейсанд жутким одеялом, и я обнаружил, что бесцельно брожу по его тенистым улицам. Сначала город казался обычным, но когда я углубился в него, то

наткнулся на ужасное зрелище, от которого у меня мурашки побежали по спине — окровавленный труп, распростертый поперек дороги, его безжизненные глаза уставились в пустоту. Волна ужаса охватила меня, побуждая бежать, но мои ноги отказывались повиноваться, увлекая меня все дальше в сердце опустошенного города.

По мере того, как я продвигался вперед, некогда нетронутые здания Лейсанда начали разрушаться на моих глазах, их элегантность была развеяна временем и запущенностью. Куда бы я ни повернулся, меня встречало еще большего количества безжизненных тел, их бледные лица были искажены в безмолвной агонии. Город, когда-то яркий и оживленный, теперь источал ауру смерти и отчаяния, удушая меня своей злобой.

Каждую ночь меня преследовал один и тот же кошмар, ужас залитых кровью улиц и безжалостная процессия мертвецов преследовали каждый мой сон. Страх преследовал меня даже во время бодрствования, когда призрачные звуки эхом разносились в ночной тишине, и темная фигура, не человек и не зверь, нависла надо мной, заставляя мою душу леденеть.

Несмотря на мои мучительные переживания, я искал утешения в работе, поглощенный ее неумолимым ритмом, как средством избежать непрекращающихся мучений, которые осаждали мои ночи. Моя жена Кэт с растущим беспокойством наблюдала, как я погружаюсь в бесконечный цикл

страха и истощения, скрывая свои страдания от неё.

С каждым днем тяжесть ночных кошмаров давила на меня, забирая мои силы и жизненную энергию. В отличие от меня, Кэт, казалось, процветала, невосприимчивая к безжалостному натиску кошмаров, которые мучили меня. Тревожное осознание начало подкрадываться к краям моего сознания, зловещее подозрение, что кто-то или что-то высасывает самую мою сущность, оставляя меня обездоленным и уязвимым, в то же время наделяя Кэт неестественной энергией.

Позже, когда я расспрашивал Кэт о проживании в том доме, она сказала, что не видела никаких снов. Она каждый вечер перед сном просто проваливалась в пустоту, а открывала глаза уже на утро, просыпалась бодрой и полной сил. Город Лейсанд превратился для меня в персональный ад.

В течение следующих нескольких дней после инцидента, всякий раз, когда я просыпался от кошмара, я больше не видел фигуру, но слышал шаги. Кто-то тихо бродил по соседним комнатам. Когда шаги приближались, я накрылась одеялом, пытаясь подавить нарастающий страх, но сон ускользал от меня. Затем шаги приближались, и я почувствовала холодное прикосновение к своему лицу, от которого по спине бежали мурашки. Я хотел кричать, но мое тело было парализовано, и я не мог пошевелиться или даже открыть глаза. Существо уходило, и я снова погружался во тьму.

Но однажды ночью, когда существо приблизилось, оно за-

брало у меня одеяло, и я оказался лицом к лицу с темной фигурой. Меня охватил парализующий страх, когда он начал душиить меня, пока я не потерял сознание.

Когда я проснулся на полу на следующее утро, я понял, что должен выбраться из этого дома. Моя жена Кэт была встревожена моим состоянием, и я рассказал об ужасах, которые со мной приключились. После этого мы решили покинуть проклятое место в тот же день.

Когда мы уезжали, слабость, страх и ночные кошмары начали исчезать, но сегодняшний кошмар вернул все это обратно. Я обнаружил, что брожу ночью по своему родному городу, преследуемый темным силуэтом. А потом я услышал стук за своим окном на шестом этаже и инстинктивно понял, кто это.

Мелодия из пустоты

Если бы я знал, чем всё закончится, никогда бы не согласился. Никогда не пошёл бы туда. Никогда не стал бы слушать эту странную мелодию, что вдруг появилась в моей голове.

Прошрое, как старая плёнка: его не перемотать, не стереть, не исправить. Оно всегда с тобой, всегда живёт где-то внутри, шепчет в самые тёмные ночи. Иногда мне кажется, что эта мелодия всё ещё звучит — тихо, будто на грани восприятия.

Я знаю, что дом на краю города был настоящим. Никто не знал, когда он был построен. Говорили, что ещё до войны, а кто-то утверждал, что он всегда был здесь — такой старый, облупившийся, одинокий. Окна заколочены, но порой кто-то замечал в щелях слабый свет. Будто там кто-то жил... будто кто-то ждал.

Дорога к дому вела через пустырь с высокой травой, где легко можно было потеряться. В городе старались не говорить о нём. Те, кто хоть раз решался туда пойти, редко возвращались. А если возвращались, то казались другими.

Но мы об этом не знали. Или не хотели знать.

Макс — наш лидер, хоть он этого не признавал. Высокий, крепкий, всегда с ухмылкой. Он не верил в мистику, но верил в свою удачу.

Надя — тихая и задумчивая, но с искоркой в глазах, будто знала что-то важное.

Вика была самой осторожной. Она всегда старалась держаться в стороне от глупостей, но почему-то шла за нами. Может, боялась остаться одна?

А я просто Артём. Тот, кто расскажет эту историю. Тот, кто мог сказать «нет», но не смог удержаться.

И вот ночью, когда часы пробили полночь, мы решили отправиться туда.

Город потихоньку засыпал, окутанный вечернем мраком. Лампы старых фонарей тускло светили, отражаясь на мокром асфальте после недавнего дождя. Улицы почти опустели, лишь прохожие спешили домой, прячась от холодного осеннего ветра. Воздух был сырым и пахнул мокрой листвой.

Мы задержались допоздна просто потому, что не хотелось расходиться. В тот вечер казалось, что этот спокойный город принадлежит только нам. Мы расположились на бетонной ограде возле старого сквера, болтая обо всём подряд: контрольные, фильмы, планы на выходные.

— Я же говорил, этот препод просто ненавидит меня! — с возмущением выдал Макс, щёлкая пальцами. — Трояк за контрольную! Хотя я точно все ответы знал!

— Ты списал у меня, — заметила Вика, пряча руки в карманах своего серого свитера. Она сидела чуть в стороне, покачивая ногами и выглядя спокойной. — Так что виноват не

препод, а твоя удача.

— Тоже вариант, — ухмыльнулся он и отвернулся.

Надя тихо рассмеялась. Обычно она не говорила много, но всегда казалась понимающей — в её глазах светилась что-то такое, что заставляло задуматься. Сегодня она была в тёмном пальто, а её каштановые волосы выглядели ещё темнее от влаги.

— Может, обсудим что-нибудь другое? — предложила она.

— Давайте что-нибудь жуткое, — вдруг сказал Макс, меняя тему. — Осень, почти Хэллоуин.

— Жуткое? — переспросила Вика с кривой улыбкой. — Мы что, в детский лагерь вернулись?

— Да брось, у каждой компании есть свои страшилки. У нас тоже должна быть, — он посмотрел на нас, и его улыбка стала хитрой. — Хотя нет... у нас уже есть одна.

Мы все поняли, о чём он.

— Тот самый дом, — пробормотала Надя.

— На краю города, — подхватила Вика, предостерегающе подняв плечи.

Я замер. Я знал истории. Мы все знали.

— Да ладно вам, — продолжал Макс с напористым весельем. — Говорят, что кто-то там слышал музыку. Начинает тихо, но если подойти ближе...

— ...она становится громче, — закончила Надя, внимательно глядя на него.

В воздухе повисла тишина. Вдалеке хлопнула дверца машины, и чей-то голос прозвучал в переулках. Но здесь, в нашем кругу, ощущалась другая атмосфера — тяжёлая, словно ночь сама прижалась к нам ближе.

— Как вы думаете, правда ли кто-то пропадал? — спросил я, чтобы немного разрядить обстановку.

— Конечно, — тихо ответила Надя.

— Чушь, — махнул рукой Макс. — Если бы там что-то было, кто-то бы уже разобрался.

— Может, просто никто не вернулся, чтобы рассказать? — Вика прикусила губу.

Макс только фыркнул.

— А давайте проверим.

Эти слова повисли в воздухе. Я понял, что они изменят наш вечер. Макс произнёс их так легко, словно просто позвал нас зайти в ближайший магазин, но в его глазах я увидел вызов.

— Ты шутишь? — Вика покачала головой.

— Почему бы и нет? — Надя взглянула на нас, будто что-то в ней загорелось.

Я сглотнул.

— Сейчас?

Макс ухмыльнулся.

— В полночь.

Вика нахмурилась, но не стала возражать. Никто из нас не возразил. Идея родилась спонтанно, но я знал — её уже

не остановить.

Мы решили встретиться в старом парке, что за два квартала от моего дома. Каждый должен был успеть вернуться домой, взять фонарики и утеплиться. Разошлись мы молча, каждый погружённый в свои мысли, а у меня вдруг появилось предчувствие.

Когда я вернулся домой, мама уже ушла к подругам, а папа дремал в кресле, погружённый в сон после рабочего дня. Я осторожно прошел мимо него, стараясь не шуметь, и зашёл на кухню. В воздухе витал запах недоеденного ужина — картошка с мясом, оставленная в кастрюле на плите.

Недолго думая, я прошел в свою комнату и закрыл за собой дверь. Здесь было темно, только свет от фонаря с улицы пробивался сквозь занавески. Я посмотрел на стол, где всё ещё лежали открытые книги и тетради, которым я давно не уделял внимания. Внутри звенело предвкушение. Эта ночь, кажется, обещала стать чем-то удивительным.

Я быстро собрал фонарик, оделся потеплее и почувствовал, как волнение растёт. Мы собирались встретиться в старом парке, что за два квартала от дома. Подготовка приближала к тому, что предстояло.

Когда я вышел на улицу, меня окутала прохлада ночи. В небе не было видно ни звезд, ни луны — только темнота. Впереди нас ждало приключение, и я начал осознавать, что эта ночь запомнится надолго.

Друзья уже ждали меня у старого парка.

Макс стоял с закинутыми за голову руками и болтал с Надей. Вика переминалась с ноги на ногу, кутаясь в шарф — на улице было холоднее, чем я думал. Листья шуршали под ногами, когда я подошёл.

— Чего так долго? — спросил Макс с ухмылкой.

— Не хотел вызывать подозрения, — ответил я, кивнув взгляд в сторону домов за спиной.

— Да ладно тебе, — хмыкнула Вика, — будто нашим родителям неизвестно, что мы иногда гуляем по ночам.

Я просто пожал плечами. Не хотелось углубляться в разговор.

— Все готовы? — спросила Надя, оглядывая нас.

Макс хлопнул в ладони.

— Тогда в путь!

Мы двинулись по узкой тропинке к окраине города.

Сначала было не страшно. Даже наоборот. В тишине ночи, под бледным светом фонарей, мы чувствовали себя настоящей командой авантюристов.

— Так... — протянула Вика, когда мы прошли несколько кварталов. — А кто-нибудь вообще знает, что это за дом?

— Нет, — ответил Макс. — Кому это известно? Просто заброшенный особняк.

— «Просто»? — подняла бровь Надя. — Что за «просто»? Он выглядит странно.

— Ладно, — Макс развёл руками, — он двухэтажный, ста-

рый, с огромными окнами. Серьёзно, кто его вообще построил? Он даже не похож на остальные дома в районе.

— Может, когда-то это было какое-то поместье, — предположил я.

— А потом? — Вика поёжилась, явно не желая говорить на эту тему.

— А потом... — тут Макс сделал театральную паузу, — что-то пошло не так.

— Очень информативно, — саркастично прокомментировала Надя.

Мы пересекли переход от асфальта к гравийной дороге. Щебень разлетался под ногами, тьма впереди сгущалась. Город остался позади, а вдалеке мерцали редкие фонари. Теперь перед нами расстилались пустые улицы, ведущие к месту, о котором мы так много слышали.

— Ты хоть раз слышал эту музыку? — спросил я, неожиданно для себя.

Макс на мгновение замер.

— Нет, — признался он.

Мы вышли на узкую тропу, огибающую небольшую рощу. Деревья здесь были выше, и их голые ветки тянулись к небу, будто хотели что-то схватить. Ветер пробежал между стволами, листья шуршали, будто что-то пряталось в тени.

— А вот и он, — тихо произнесла Вика.

Дом стоял впереди, окутанный тьмой.

Высокий, старый, с облупившейся штукатуркой и заколоченными окнами на первом этаже. Второй этаж выглядел, будто его не трогало время: большие окна с тусклыми стеклами, покрытыми пыльной коркой, словно кто-то навсегда закрыл его.

Но одно окно не было тёмным.

Из него лился слабый, призрачный свет.

И мелодия.

Едва слышная, будто кто-то нежно касался клавиш старого рояля.

Мягкая. Медленная. Завораживающая.

Наши шаги замедлились.

— Вы это слышите? — прошептал я. Меня охватило странное волнение.

Никто не ответил.

Музыка становилась громче.

Не резкая, не пугающая. Нет. Она была... зовущей.

Такой, что хотелось подойти ближе.

Макс первым сделал шаг.

Надя, нахмурившись, смотрела на дом, а Вика обхватила себя руками, сжимаясь от холода.

Я почувствовал, как в груди начинает нарастать странное волнение.

Композиция продолжала играть.

— Мы... идём внутрь? — тихо спросила Вика, её голос

дрожал.

Макс не сразу ответил. Он стоял и смотрел на дом, на слабый свет в окне, будто ждущий нас. Надя перевела взгляд на меня, словно ожидала, что я скажу что-то важное.

Я сглотнул.

— Мы же сюда и шли, — постарался сказать уверенно, хотя внутри всё бурлило.

Макс усмехнулся.

— Вот именно. Чего бояться-то?

— Может, того, что люди обходят это место стороной? — пробормотала Вика, явно нервничая.

— Или того, что нас зовут туда? — добавила Надя, приподняв брови.

В воздухе повисло недоумение.

Песня больше не была просто звуком. Я чувствовал, как она обволакивала нас, словно одеяло, проникая в самую глубину сознания. Она была тёплая и манящая, но в этой мягкости ощущалось что-то странное, неестественное.

Не знаю, поняли ли это остальные.

— Ладно, — пробормотал я, — давайте просто зайдём, посмотримся и быстро уйдём.

— Быстро? — Вика взглянула на меня.

— Очень быстро, — подтвердила Надя.

Макс уже шагнул вперёд.

Дверь, хоть и старая, открылась легко, даже без скрипа.

— Вперёд, — скомандовал он.

Мы вошли.

Внутри пахло пылью и сыростью.

Темнота поглотила нас, отрезав от внешнего мира. Шаги глухо отдавались, а воздух был настолько тяжёлым, что казалось, он мешал нам дышать.

Я достал фонарик и посветил перед собой.

Холл был просторным, но заброшенным: старый каменный пол покрывал слой пыли, местами виднелись трещины. Справа находилась лестница на второй этаж с облупившимися резными перилами, слева — тёмный коридор, уходящий в глубь дома.

Макс щёлкнул фонариком, направляя луч в разные стороны.

— Красота. Как в фильме ужасов, — сказал он с ухмылкой.

— Очень смешно, — проскочило у Вики, всё ещё стоящей у двери.

Музыка звучала отчётливо, но я не мог понять, откуда именно она доносится. Казалось, что она проникает со всех сторон.

— Как-то... слишком тихо, — произнесла Надя, и я понял, что она имеет в виду.

Снаружи шумел ветер, где-то вдалеке лаяли собаки, а машины проезжали по окраине города. Но здесь...

Полная тишина.

Кроме музыки.

— Давайте осмотримся, — предложил Макс.

— Быстро? — снова напомнила Вика.

— Быстро, — кивнул я.

Они двинулись дальше, но я задержался на месте.

Чувство, что что-то не так, становилось всё сильнее.

Тьма в углах дома казалась слишком густой и глубокой.

Воздух не просто пах сыростью, он источал нечто затхлое.

И... эта мелодия.

Она звучала ровно и без единой ошибки, будто её играл не человек, а... что-то другое.

— Эй, ты чего там? — окликнула меня Надя.

Я моргнул и взглянул на друзей.

Они уже продвинулись дальше, но их силуэты казались размытыми, будто я смотрел сквозь плёнку.

Я хотел сказать, что не стоит заходить глубже.

Но песня была так прекрасна.

Комнаты дома были пропитаны застывшим временем.

Я двигался медленно, осторожно, выискивая в полумраке хоть какие-то детали. Луч фонарика выхватывал из темноты облупленные стены, пыльные зеркала и старые кресла, накрытые белыми простынями.

Музыка продолжала звучать.

Она доносилась откуда-то сверху, возможно, с чердака или из дальних комнат второго этажа. Звучала мягко, плавно, но в ней чувствовалось что-то тревожное — словно в

давно знакомой мелодии поменяли несколько нот, из-за чего она стала не такой, как прежде.

Я оглянулся: Вика и Надя осматривали длинную гостиную, а Макс заглядывал в шкаф, над которым висело зеркало в тяжёлой деревянной раме.

Я пошёл дальше.

Первая комната оказалась пустой — только разбитая лампа на полу и ржавый металлический стул.

Когда я осторожно заглянул во вторую, то увидел книжные шкафы, а посреди комнаты возвышался рояль.

Рояль.

Я замер.

Мелодия исходила откуда-то ещё, но мне казалось, что если я подойду и открою крышку клавиш, то увижу, как они двигаются сами по себе.

Я сглотнул и шагнул назад — вдруг звук в голове стал слишком явным.

Третья комната.

Здесь пахло чем-то прелым.

Я провёл лучом фонаря по стенам.

Фотографии.

На стене висел ряд потемневших от времени рамок. Я подошёл ближе.

Лица.

Старые, выцветшие снимки показывали людей разных эпох — мужчины и женщины в одежде, которую я бы назвал

старомодной даже для фильмов про 19 век. Чьи-то свадьбы, семейные портреты, дети с куклами в руках...

Но одна фотография заставила меня замереть.

Группа молодых людей, сидящих на крыльце этого самого дома.

Они улыбались. Один из них поднимал бутылку, кто-то показывал «козу» пальцами, девушка с длинными волосами смеялась...

Я почувствовал, будто смотрю в зеркало.

На меня смотрел я.

Это был я, но не совсем. Чуть другие черты, чуть иное выражение лица, но это было слишком похоже, чтобы быть простым совпадением.

И рядом были Макс, Надя и Вика.

— Чёрт... — выдохнул я.

Вдруг за спиной послышался шорох.

Я резко развернулся.

Но там никого не было.

Музыка.

Она стала громче.

Теперь я понял, что в ней слышны слова.

Тихие, еле различимые.

Кто-то пел.

— Надя? Вика?!

Мой голос эхом разлетелся по дому, но ответ так и не при-

шёл.

Я стоял в узком коридоре, прижимаясь к стене, и пытался вспомнить, как сюда попал. Минуту назад я был в той комнате и смотрел на фотографии... Или это было не так давно?

Где все остальные?

Песня заполнила всё пространство.

Она больше не звучала мягко и нежно. Теперь она напоминала сломанную шкатулку, из которой выдирают пружину, заставляя её снова и снова повторять один и тот же мелодичный мотив.

Но самым страшным был голос.

Он уже не шептал. Он пел.

Протяжно и неразборчиво, но с пугающей настойчивостью.

— Артём!

Я дёрнулся. Это была Вика.

Я бросился вперёд, мимо дверей, которые теперь казались одинаковыми.

Где она?!

— Артём! — снова прозвучал её крик, но уже тише.

Я бегал, стараясь не думать о том, что каждое моё движение словно замедляется. Пол под ногами становился вязким, как если бы я ступал не по деревянным доскам, а по зыбкому песку.

— Вика! Отзовись!

Тишина.

— Надя! Макс!

Где они все?

Я остановился, пытаюсь вдохнуть полными легкими.

Тёмный коридор уводил во мрак, и мне казалось, что он растянулся. Я точно знал: этот дом не мог быть таким длинным.

Крики больше не доносились.

Только мелодия.

Теперь в ней было что-то глубокое, искажённое, чуждое.

Я снова двинулся вперёд.

Может быть, я просто схожу с ума? Может, мои друзья уже выбежали на улицу, оставив меня здесь?

Но тогда почему их силуэты всё ещё мелькают передо мной в тусклом свете?

Я видел, как кто-то проходит за углом, но когда я добрался до этого места, там уже никого не оказалось.

Дом действительно играл со мной.

Я зажмурился, пытаюсь вспомнить, как сюда попал.

Я пришёл в этот дом с друзьями.

Но теперь я один.

...И если я не выберусь сейчас, то исчезну так же, как те, кто был до меня.

— Артём... Останься.

Я замер.

Передо мной стояла Вика, но что-то было не так.

Её силуэт выглядел размытым, как отражение в мутной воде, а глаза... Они были пустыми, словно наполненными чем-то чуждым.

— Ты же слышишь? — прошептала она. — Как красиво...

Её слова растекались в воздухе, превращаясь в музыку.

— Артём...

Теперь это был голос Нади.

Я обернулся и увидел её в дальнем конце коридора. Она улыбалась, но это была улыбка марионетки — неестественная, как вырезанная на лице куклы.

— Мы нашли то, что искали, — произнёс Макс, стоящий чуть дальше, в полумраке.

Я моргнул — и они исчезли.

Постойте.

Нет.

Они не исчезли.

Они были повсюду.

За каждым углом, в каждом тёмном проёме, в каждой тени.

Я сделал шаг назад, но тут же наткнулся на что-то холодное.

— Куда ты уходишь?

Чей-то голос проскользнул по моему сознанию, как лезвие.

Я развернулся и увидел себя.

Тот, кто стоял передо мной, не был зеркальным отраже-

нием. Это был кто-то другой. Но лицо, одежда, осанка... Всё это было моим.

— Ты не понимаешь, да? — спросил двойник, наклонив голову, словно изучал меня, как любопытное животное. — Ты уже здесь. Ты — часть этой музыки.

— Нет... — прошептал я, но слова потеряли свою силу. Крики друзей сливались с мелодией, превращаясь в странный хор голосов.

Они не звали на помощь.

Они пели.

Громче. Громче.

Музыка заполняла мою голову, стучала в виски и сжимала грудную клетку.

— Прими это, — сказал двойник, протянув ко мне руку. — Стань частью.

Нет!

Я рванулся прочь, но пол под ногами исчез, превратившись в бесконечную пустоту.

Вокруг мелькали образы — комнаты, лица, улицы...

Дом.

Тени.

Песня.

Посреди всего этого хаоса были мои друзья.

Я должен был их найти.

Должен был выбраться.

Но что, если я уже не смогу?

Я бежал.

Ноги скользили по холодному полу, но я продолжал двигаться вперёд, даже не понимая, куда именно. В ушах звенела мелодия — она уже не была красивой и завораживающей. Теперь это был хаос, какофония, безумие, проникающее в мои кости, в мозг, в самую суть моего сознания.

Где-то позади что-то шептало моё имя.

Но я не оборачивался.

Передо мной появилась дверь. Она была тяжёлой, с облупленной краской, и вела наружу. Я врезался в неё плечом, но она не поддалась. Песня завывала сильнее.

— Откройся! — прохрипел я, снова ударяя в неё.

Раздался треск дерева.

Петли скрипнули, и я вывалился наружу.

Ночь. Туман. Тишина.

Я стоял на пороге, хватая воздух ртом. Всё вокруг выглядело так, как и должно быть: улица, редкие фонари, кусты, дорожка... Но что-то было не так.

Слишком тихо.

Даже ветер не шевелил листвой.

Я сделал шаг вперёд и замер.

В тумане, стелившемся над землёй, что-то двигалось.

Нет...

Кто-то.

Вика.

Макс.

Надя.

Они стояли вдалеке, их силуэты расплывались, как в плохом сигнале старого телевизора.

— Эй! — я закричал, но голос дрожал.

Они не ответили.

Я сделал ещё шаг.

Тени начали растворяться.

— Нет! Стойте!

Я бросился вперёд, но чем ближе подходил, тем быстрее их фигуры рассеивались в белесом мареве.

— Пожалуйста...

Слёзы резанули глаза, горло сжалось от ужаса.

Я протянул руку, но пальцы прошли сквозь пустоту.

И тогда музыка снова заиграла.

Тихо, почти ласково.

Но она звучала внутри меня. Не снаружи.

Я зажал голову руками, но это не помогло. Мир поплыл перед глазами, воздух стал вязким.

Я сделал последний, шаткий шаг вперёд...

...и упал на колени.

Голова кружилась.

Земля стала мягкой, как вода.

Сознание ускользало.

В последний момент, перед тем как тьма окончательно поглотила меня, я услышал чей-то шёпот.

— Ты уже один из нас.

Я пришёл в себя в белой комнате.

Медленный, болезненный вдох.

Резкий, пугающий выдох.

Потолок был ослепительно белым. Я заморгал, но пятна перед глазами не исчезали. В висках мерно стучала тупая боль, будто кто-то долбил молотком прямо внутри черепа.

Я попытался пошевелиться.

Руки казались тяжёлыми.

Ноги — будто чужие.

Я пробовал подняться, но тело не слушалось. Холод пронизывал меня, и в груди возникла тупая боль, сковывающая движение.

— Эй! — мой голос сорвался, пересохшее горло пронзила острая боль. — Что... Где я?..

Дверь в конце комнаты открылась, и внутрь вошёл мужчина в белом халате.

— Артём, спокойно, — произнёс он, его голос был ровным и уверенным.

Я уставился на него.

Высокий. Очки. Спокойный взгляд.

— Где... где я? — еле выдавил я, сбивчиво дыша.

— В больнице, — сказал врач.

Я сглотнул.

— Больнице?

— Обычной больнице, — подтвердил он. — Ты был найден на пустыре с результатами сильного обморожения.

Я глубоко вдохнул, пытаюсь осмыслить его слова.

— Где мои друзья? — вырвалось у меня.

Он чуть наклонил голову.

— Какие друзья?

У меня похолодело внутри.

— Макс. Вика. Надя. Они были со мной! Я точно помню!

Я попытался приподняться, но моё тело не поддавалось, отказываясь двигаться.

— Артём... — врач вздохнул, на его лице отразилась грусть. — Мы не нашли никого другого. Полиция сообщает, что никто не видел вас вместе с ними.

— Это невозможно! — я закричал, не в силах сдержать эмоции. — Мы были вместе! Мы шли к тому дому! Мелодия...

— Артём, послушай, — перебил меня врач, — рассказ о том, что произошло, очень смутный. Ты не помнишь, как оказался на пустыре? Тебя нашли прохожие, которые слышали, как ты кричал. Они вызвали скорую.

Я закрыл глаза, вспоминая тот вечер. Помню, как песня гремела в ушах, и как схватка со страхом заставляла меня бежать.

— Я не один, — пробормотал я. — Надо... Надо найти их! Врач наклонился ко мне ближе, его голос стал мягче.

— Я понимаю, это сложно. Но сейчас тебе нужно восста-

новиться. Тебя нашли прохожие, когда ты был без сознания, и вызвали скорую. Полиция не может найти никого из твоих друзей, и, возможно, они просто потерялись.

Я тряс головой.

— Это неправда! Мы не могли потеряться! Музыка... — Я снова вспомнил ту мелодию, тихую и настойчивую, которая продолжала звучать в моей голове.

— Твоя мама приедет, — добавил он, заметив мой испуганный взгляд. — Она скоро будет здесь. Всё будет в порядке.

Но его слова не приносили успокоения. Я пытался сосредоточиться, но тревога, полная неясности и страха, не оставляла меня. Куда же они ушли? Почему никто не мог их найти? Композиция стала громче, заполнив мою голову.

Когда я вновь пришёл в сознание, то был ещё в больнице, прошло чуть больше суток. Моя голова была все ещё в тумане, а тело — уставшим и безжизненным. Солнечный свет пронизывал жалюзи, отбрасывая полосы света на белую стену. Я смотрел на них, непривычный страх охватывал меня. Внезапно я услышал шаги и поднял голову.

Дверь приоткрылась, и в комнату вошла моя мать. На её лице были видны следы переживаний, в глазах читалась тревога. Я не мог сдержать волнения, когда она подошла ко мне ближе.

— Артём! — произнесла она, её голос был полон волне-

ния и нежности. Она обняла меня, и в этот миг я почувствовал, как все ненужные слова исчезают. Я был дома, даже если это была больница.

— Мам, я... — начал я, но она перебила меня.

— Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше? Что случилось? Почему ты был на пустыре? Это ужасно! — её вопросы сыпались, как из рога изобилия.

Я сглотнул и попытался ответить, но боль внутри не давала мне покоя.

— Я не знаю... — выдавил я, пряча взгляд. — Мы просто гуляли...

— Гуляли? С друзьями? — она нахмурила брови. — Артём, ты же знаешь, что нельзя в такие места ходить! Ты взрослый, но иногда ты ведёшь себя как ребёнок! — гнев её уже начинал подниматься. — Ты мог погибнуть!

Я молчал, сжимая пальцы в кулаки. Я знал, что она права, но гордость и беспомощность не давали мне парировать её слова.

— Я думала, что ты пропал! — продолжала она, её голос дрожал от эмоций. — Я так переживала о тебе! Сколько раз предупреждала тебя об опасностях?

Слова, полные гнева и волнения, пронзали меня, но я не мог ответить. Я просто смотрел в пол, вдыхая аромат дезинфектора и лекарств.

Некоторое время её слова эхом звучали в голове, заставляя сожалеть и испытывать вину. Я закрыл глаза, и в этот

момент, когда великая буря эмоций начала утихать, я ощутил её руку на своем плече.

— Артём... — тихо произнесла она, сдерживая слёзы. — Я понимаю, что это не твоя вина. Но... ты не представляешь, что я чувствовала, когда не знала, где ты и что с тобой.

Я поднял голову и увидел, как слёзы покатались по её щекам. Я никогда не видел её такой уязвимой. В тот миг горечь и гнев, что были ранее, вдруг рассеялись. Я увидел, как сильно она меня любит.

— Мам, прости... — прошептал я.

Она глядела на меня, её лицо смягчилось, и она присела на краешек кровати.

— Я принесла тебе немного еды, — сказала она, извлекая из сумки пакет с домашней выпечкой и яблоками. — Твои любимые пирожки.

— Спасибо, — тихо произнес я, вспоминая, как её кулинарные навыки всегда поднимали мне настроение.

— Я постараюсь чаще приходить к тебе, — пообещала она, её голос стал мягче, хотя тревога всё ещё звучала в его интонациях. — Мне важно знать, что с тобой всё в порядке.

Я кивнул, и на душе немного полегчало. Мы провели ещё несколько минут в тишине, погруженные в собственные мысли. Я понимал, что не смогу вернуть тех, кого потерял, но знал, что у меня есть человек, который всегда будет рядом, чтобы поддержать.

Она встала, чтобы уйти, но прежде, чем выйти, оберну-

лась ко мне.

— Береги себя, — сказала она с нежностью в голосе. — И помни, я тебя люблю.

Я смотрел, как она уходит, и, несмотря на все переживания, в сердце возникла надежда. Надежда, что я смогу справиться с этой потерей и снова найти свое место в жизни.

Если бы я знал, чем всё закончится, никогда бы не согласился. Никогда не пошёл бы в тот зловещий дом, никогда бы не стал слушать эту странную мелодию, что вдруг заполнила мою голову. Теперь, сидя в больничной палате, я осознаю, что прошлое — как старая плёнка: его не перемотать, не стереть, и не исправить. Оно всегда с тобой, всегда живёт где-то внутри, шепчет в самые тёмные ночи. Иногда мне кажется, что эта мелодия всё ещё звучит — тихо, на грани восприятия, как обрывки забытой песни.

Я провёл дни в больнице, скучая по своим друзьям, по нашим совместным выходкам. Когда меня перевели в общую палату, я остался мрачным и нелюдимым. Моя мама навещала меня, но даже её заботливый взгляд не мог пробить ледяную оболочку, что образовалась вокруг моего сердца. Школа продолжала жить своей жизнью, но я чувствовал, что моё место там уже потеряно. О пропаже моих друзей говорили лишь немного, а потом быстро забыли. Все вернулись к своим делам, будто ничего и не произошло.

Когда выяснилось, что те, кто был в доме, пропали без ве-

сти, для родителей моих друзей началась настоящая трагедия. Я помню, как на импровизированных похоронах устанавливались их надгробия — простые, но значимые жесты, напоминающие о потерянных душах. Я почувствовал тяжесть в душе, словно часть меня ушла с ними. В тот момент я понял, что не могу просто молчать, что должен поделиться своей историей. Эта ночь, эта мелодия, этот дом — я должен запечатлеть это в сердцах других людей.

Я собрал свои мысли и чувства, опубликовал историю в интернете, надеясь, что кто-то, прочитав её, поймёт, как важно ценить близких и как нужно осторожно относиться к тому, что кажется игрой. Надеюсь, моя история защитит других от того, что ждёт в тени, ведь я уверен, что тень никогда не покинет мой разум, пока мелодия живёт внутри меня.

Ужас, скрытый в буране

Меня зовут Дмитрий Лебедев, и я работаю в небольшом издании «Петербургская воробейка». Я всегда искал захватывающие и загадочные истории и когда приехал в посёлок городского типа Снежное, то не прогадал. Я столкнулся не с обычной чередой слухов, а с настоящей тайной, которая пробудила во мне любопытство и интерес.

Снежное — на первый взгляд уютный и мирный посёлок. Однако за его спокойным на вид фасадом скрываются ужасные события, произошедшие несколько лет назад: во время сильного бурана люди начали таинственно исчезать. Этот мрак над посёлком навис так же внезапно, как потом все вернулось в норму. Местные жители говорят о некой нечисти, которая якобы охотилась на них, и с которой, по их словам, никто не смог справиться.

Во всей этой истории особое внимание привлёк Николай Петрович Серов — человек, о котором говорят, если верить рассказам местных жителей, что он знает правду о произошедшем. Я надеюсь, что с его помощью мне удастся разгадать эту тайну.

Я прибыл в посёлок Снежное на такси, гоняющем по заснеженным дорогам. За окном расстилались картины белоснежного пейзажа: деревья, усыпанные инеем, мягкий свет

фар, отражавшийся от сугробов, и тихие улочки, на которых, казалось, остановилось время. На первый взгляд, посёлок выглядел обыденно: такие же серые многоквартирные малоэтажки, как в любом другом населенном пункте, рядом с которыми были вереницы частных домовладений, и ничего не предвещало тех ужасов, о которых рассказывали местные жители. Однако чувство тревоги не покидало меня ведь под этой безмятежной поверхностью, вероятно, скрывалось что-то мрачное.

Наконец, спустя несколько часов пути я наконец-то добрался до дома Николая Петровича Серова. Такси остановилось у обочины, и я вышел во двор. Его участок выглядел уютным, но слегка запущенным, словно время оставило свои следы на его стенах. Я постучал в дверь, и вскоре она приоткрылась. На пороге стоял Николай — мужчина средних лет с усталым взглядом.

— Здравствуйте, — произнес я, представившись. — Я журналист из «Петербургской воробейки». Мне сказали, что вы можете рассказать о пропажах людей в Снежном.

— А, да, про пропажи, — отрывисто ответил он, словно это была не более чем шутка, не заслуживающая серьёзного обсуждения. — Все вы, журналисты, ищете только сенсации.

Я почувствовал раздражение, но постарался говорить уверенно.

— Я понимаю ваше недовольство, Николай Петрович, но ваша история может оказаться крайне важной.

Он фыркнул и продолжал смотреть на меня с недоверием.
— Не спешите. У меня нет ни малейшего желания вспоминать то, что произошло.

Неприятное напряжение заполнило воздух. Я немного замялся, но решился продолжить.

— Я готов предложить вам оплату за ваше время, — сказал я, вытаскивая из кармана конверт с деньгами и протягивая его ему.

Николай замер на мгновение, нахмурившись. Казалось, он собирался закрыть дверь, но в итоге взял конверт, не глядя на меня, и шагнул назад, пропуская меня в дом.

— Ладно, проходите, — произнёс он, его голос стал менее резким.

В квартире царила тёплая атмосфера: полки, уставленные книгами, и аромат свежесваренного чая создавали ощущение уюта, несмотря на подавленность, витавшую в воздухе.

— Раз так... Скажу сразу, выдумывать что-то у меня желания нет, поэтому расскажу всё на чистоту, — произнёс он, отворачивая взгляд от конверта.

Я кивнул, доставая телефон и включив на нем диктофон.

— Пожалуйста, расскажите мне свою историю, — обратился я к нему. — Уверяю вас, мне не нужны просто громкие заголовки. Мне важно понять, что действительно произошло.

Он на мгновение замер, будто решая, стоит ли делиться своими воспоминаниями.

— Садитесь, — ответил он.

Я сел на стул, а Николай наскоро сделал чай и предложил конфеты. Я согласился и Николай начал рассказ.

В тот зловещий вечер, когда метель обрушилась на Снежное, всё и началось. Я сидел у окна, пил горячий чай с бутербродами и наблюдал, как снег за окном кружится в бешеном ритме. По улицам медленно ехали машины, водители пытались разглядеть хоть что-то во время снегопада, а люди укрывались в шарфах и воротниках курток, спешащие по своим делам. Внезапно старый советский холодильник перестал гудеть — это был верный признак, что отключили электричество. Я вздохнул, встал и уселся за книгами. Хоть день ещё не закончился, света в комнате стало недостаточно, и мне пришлось достать свечу.

Подобрав книгу по вкусу, я улегся на диване и начал читать, хотя шум метели за окном постоянно отвлекал. Время шло, и, словно в ответ на моё уединение, вокруг стало заметно тише. Только ветер всё выл за окном.

Так прошёл мой первый день без электричества. С рассветом пришло первое тревожное известие: Василий, мой сосед-слесарь и ровесник, не вернулся домой. Он просто исчез, словно зима поглотила его целиком. Новость быстро облетела наш скромный посёлок, порождая волну сплетен и домыслов.

По слухам местных жителей, полиция немедленно при-

ступила к поискам. Однако дальнейшей информации о ходе расследования не было предоставлено. С одной стороны, злые менты не выполняют свою работу, но с другой стороны, что они могли сделать? Вот пропал мужик и всё тут. Попробуй такого найди.

Довольно скоро новость о пропаже Василия смешалась с остальными бытовыми неприятностями, но во мне уже тогда росло странное беспокойство.

— Вы о чём-то догадывались? — прервал Николая журналист.

— И да, и нет. Скорее просто чувствовал каким-то шестым чувством, интуицией, не знаю как это назвать. — ответил мужчина.

— Понял вас, пожалуйста продолжайте, — попросил Дмитрий.

Ну так вот. С каждым днем ощущение тревоги усиливалось, и я стал чувствовать нарастающее бессилие. Встретившись с соседями, я рассказал о своих переживаниях, но те быстро меня осадили: «И что ты предлагаешь? Мужик хер знает где и скорее всего уже не жилец. Напился, вышел за добавкой, видимо, а оно вон какая погода на улице где-то и затерялся в сугробах».

Не зная, что делать, я согласился с доводами соседей и постарался забыть о случившемся. Тем более, что ближе к вечеру дали свет так что я успешно просидел до самой ночи за просмотром новостей. Телевизор правда сильно барахлил

из-за непогоды: то и дело вылезали помехи, зависания. Но мне тогда нужно было просто отвлечься.

Прошло уже несколько дней, и метель не унималась, словно сама зима решила овладеть нашим посёлком. За эту неделю пропало ещё несколько человек, и страх в Снежном стал полноценным обитателем. Каждый раз, когда одно из исчезновений вызывало панику, жители строили всё новые догадки: одна мать его, хлеще другой — сказочники и пустозвоны!

— А у вас были тогда догадки насчёт происходящего? — спросил Дмитрий у рассказчика.

— Были, — ответил тот. — Я думал, что у нас завёлся маньяк. Потому что, а кто это ещё мог быть. Сами люди в таком количестве не пропадают. Да и те кто пропадали были далеко не мальчишками с шилом в одном месте. Хотя какой-то пацан с шилом таки нашёлся. Витькой звать. Попробовал пойти в лес с друзьями.

— Зачем? — поддержал беседу представитель прессы.

— Хер их разберет. Говорили, проверить себя на прочность хотели. Ну и проверили. Да так что Витька тот пропал без вести, а те потом долго отмалчивались, под дураков косили. Когда уже всё кончилось те рассказали, что нечисть Витьку утащила. а пацаны не говорили потому что думали, что им никто не поверит. Впрочем, если бы те рассказали всё тогда, им точно бы никто не поверил.

— Что за нечисть? — спросил Дмитрий.

— Терпение, мой друг, терпение. — нарочито спокойно ответил Николай и продолжил свой рассказ.

Я продолжал пытаться смотреть телевизор, но в какой-то момент смотреть на рябящий экран мне надоело и я вернулся к старым добрым книгам. Но даже этот комфорт не мог затмить тревогу. Каждый раз, когда кого-то не находили, я чувствовал, как волнение нарастает до предела.

Полиция, когда пропажи стали массовыми, стала предпринимать меры. Перво наперво они попросили не покидать дома без крайней на то необходимости и строго настроено запретили идти в лес. Оба пункта и взрослые и дети, за редкими исключениями, исполняли безукоризненно. Менты в это время готовили группы и организовывали поиски, но, к сожалению, улики просто отсутствовали. Среди местных разговоры о происходящем становились всё более мрачными и полными домыслов. Люди собирались в магазинах, обсуждая исчезновения, делая свои выводы.

Кто-то говорил, что это работа нечисти, кто-то уверял, что просто страшная случайность, а кто-то как я, придерживался версии с маньяком. Как бы то ни было, каждая пропажа лишь добавляла новых красок в общую мрачную картину, и ощущение безысходности, которое охватывало посёлок, становилось почти осязаемым. Я думал о том, сколько ещё людей должно исчезнуть, прежде чем мы сможем понять, что действительно происходит в нашем родном Снежном.

Метель продолжала бушевать, и я шагал по заснеженной тропе, которая вела меня в лес. Это было волнительное время, и я чувствовал, что мне нужно уединиться и разобраться в своих мыслях.

— Вы пошли в лес? — спросил Дмитрий Лебедев у рассказчика.

— Представьте себе. Просто взял и выехал на природу. — спокойно ответил Николай.

— Зачем? — продолжил допытываться журналист.

— А чего всё дома сидеть? — ответил мужчина вопросом на вопрос. — А если серьёзно, я не помню уже зачем вышел.

— А работа? — задал очередной вопрос Дмитрий.

— Работа? Ой... Точно... — словно очнулся от беспмятства Николай. — Когда всё началось, я переговорил с начальником и тот оформил мне отпуск. Хороший был мужик, умный...

— Был? — задал новый вопрос журналист.

— От инфаркта скончался. Старый уже был. Завод попытался возглавить его сынок, но всё просрал. Сейчас у меня нет постоянной работы, но деньги зарабатываю: где по хозяйству помогу, где уборщиком или дворником устраюсь. В своё время даже на стройке поработал, тяжести таскал. Мне хоть и под полтинник, но я с детства увлекался спортом и увлекаюсь им до сих пор. — с этими словами Николай задрал рукав кофты, напряг руку и показал не скромный бицепс, гордо усмехнулся и опустил рукав. — До сих пор там

подрабатываю, но лишь время от времени, когда работёнка появляется.

— Понял вас. Пожалуйста, продолжайте. — закончил допрос журналист и позволил рассказчику продолжить беседу.

Я не мог терпеть и пришёл в лес один. Пока я шагал по скрипучему снегу, мое уединение погрузило меня в размышления о том, насколько страшным стало наше существование. Пропавшие люди, их семьи, полицейские поиски — все эти события словно собрались в комок, давя на грудь.

Лес вокруг был мрачным. Ветер завывал, заворачиваясь в снежные завалы, создавая жуткие звуки. Каждое шуршание и треск заставляли меня остановиться и прислушиваться, заставляя волноваться о том, кто или что могло прятаться в этих тенях. Я чувствовал себя одиноким и потерянным среди деревьев, которые, казалось, знали больше, чем мне было позволено.

И вдруг, я заметил движение. Это заставило меня остановиться — тень скользнула между стволами, и я замер в ожидании. Сердце забилося быстрее. Я понимал, что страх может заставить воображение входить в крайности и рисовать картинки, и пытался успокоить себя, но было слишком трудно игнорировать предчувствие.

Тишина вокруг становилась невыносимой, и в этот момент я почувствовал, как в лесу что-то изменилось. Внезапно из-за деревьев выдвигался силуэт. Я замер, не в силах отвести взгляд. Прямо передо мной стояло существо, которое

выглядело странно и пугающе. Оно было слишком высокое, с длинными конечностями и светящимися глазами, которые сверкали в темноте. В тот момент я понял — это существо и было похитителем людей.

Страх охватил меня, заставляя замереть. Существо, заведя меня, медленно пошло в мою сторону, издавая жуткий урчащий звук. Я начал пятиться, но быстро понял — оно вот-вот догонит меня. Тогда я не выдержал и побежал в сторону машины. Существо, издав звук похожий на искаженный низкий смех, пошло в догонку.

Я петлял вокруг деревьев, а существо наступало мне на пятки. С каждым разом оно становилось всё ближе и ближе. Постепенно тело начало наливаться болью, легкие горели от бега и морозного воздуха, но я не мог позволить себе остановиться. Я знал, что должен собрать людей, рассказать им о том, что я видел.

Собравшись из последних сил, я нашёл своего железного коня и дал по газам. Существо село мне на капот и принялось колотить по лобовому стеклу. Тогда я сообразил выехать на дорогу и на повороте резко крутануть баранку. Существо пыталось ухватиться когтями за стекло, но после повторного поворота улетело на обочину. Мой дальнейший путь до дома прошёл без происшествий.

Вернувшись домой, я закрылся, разделся и лёг на диван. Возраст, пережитый ужас, нагрузка, комфорт дома. Всё это отпечаталось в сильной боли в теле: ноги горели, в горле пе-

ресохло, а бок нещадно колот. Спустя время я благополучно уснул.

На следующий день я решил, что надо бы рассказать про нечисть. Тогда меня не волновало поверят мне или нет. Просто хотелось выговориться хоть кому-то.

Когда я пришёл к соседям, меня встретила Людмила. С её добрыми, но сейчас тревожными глазами мне стало как-то уютнее. Я надеялся, что разговор с ней и с Настей, её дочерью, поможет мне осмыслить все происходящее вокруг. В их компании я находил некоторое утешение среди общего смятения.

— Заходи, Николай, — произнесла она, открывая дверь.
— Что-то случилось?

Переходя через порог, я ощутил, как свежий зимний воздух оставил меня, и тепло сразу окутало, сбрасывая снежинки с плеч. Я уселся за стол и, стараясь собрать свои мысли воедино, начал рассказывать о том, что видел в лесу: о страшном существе с искаженными чертами, о своих страхах и том, что меня преследует. Я говорил о том, какими угрожающими стали исчезновения людей, и о том, что это может быть не просто случайностью.

Но чем больше я излагал детали, тем больше в глазах Людмилы начинало появляться смешанное чувство беспокойства и недоверия. Я заметил, как она скривила губы, и её рука потянулась к чаю, словно это чай мог бы успокоить её

волнение.

— Николай, ты, наверное, просто перенапрягся, — сказала она с лёгкой улыбкой, пытаясь не обидеть. — Может, слишком долго проводишь время в одиночестве. Это всего лишь слухи.

В этот момент в разговор вступила Настя, её детская непосредственность резонировала с уверенными, но неосознанными словами.

— Мы все слушали эти истории о нечисти, но это не более чем слухи! — заявила она, сложив руки на груди, будто защищалась от невидимого. — Ты же сам не веришь в это!

Я почувствовал, как меня охватывает разочарование. Я пытался объяснить, что увидел нечто действительно реальное, но ни Людмила, ни Настя не воспринимали мои слова всерьёз. Их безмятежность была как снег, падающий тихо и непреклонно, сгущая тьму вокруг меня, в которую я тянулся, ожидая поддержки.

— Но я же видел... — произнёс я, стараясь сохранить голос спокойным.

Однако они лишь покачали головами.

— Нужно просто успокоиться, Николай. Всё будет хорошо, — мягко произнесла Людмила.

Я хотел продолжать, пытался объяснить, но в тот момент понял, что это абсолютно бесполезно. Они просто не могли видеть того, что видел я, и не понимали, что скрыто за этой метелью и тишиной. Я поднялся, сдерживая внутри бу-

рю эмоций, и, прощаясь, произнёс:

— Спасибо за гостеприимство.

На улице меня встретила порывистая метель, вновь обрушившаяся на меня с удвоенной силой, как будто напоминала о ноше, которую я поднимаю. Выйдя на свежий воздух, я осознал, что мне нужно искать доказательства. Без фактов, я не смогу вести разговоры об опасности, с которой мы все столкнулись.

Собираясь с мыслями, я понял, что первое, что я должен сделать — это найти тех, кто уже когда-то предупреждал о нечисти, обсудить с ними свои страхи и попытаться выяснить, есть ли еще кто-то, кто может пролить свет на происходящие ужасы.

Однако разговоры с другими людьми также не принесли результатов. Все теории были лишь теориями и достоверно никто не знал, что происходит на самом деле. Но я узнал другую важную информацию — основная масса людей пропадала придя в лес. Чуть реже пропадали односельчане, жившие рядом с лесом.

Недолго думая, туда я и отправился. Я двинулся к тому месту, где последний раз видели Василия, взяв с собой фонарик, блокнот для заметок, нож и сковородку, а также лопату для самообороны от твари.

Когда я подошёл к краю леса, меня встретил резкий порыв морозного ветра. Лес выглядел мрачно и зловеще, как будто

готовился поглотить меня. Снежный покров блестел в тусклом свете, а тишина казалась подавляющей. Я начал шагать по узкой тропе, которая вела вглубь леса. Каждый шаг меня отрывало от привычного мира, погружая в холодное чрево ельника.

Скоро я осознал, что забираюсь всё глубже и глубже. Постепенно лес становился более густым и неприветливым. Я старался сосредоточиться, надеясь увидеть хоть что-то — следы, которые могли бы помочь мне понять, что произошло с пропавшими и где прячется тварь. Ветер уносил мои тревоги в бесконечность, и вскоре единственной компанией остались лишь звук моих шагов и шорох снега под ногами.

Минуты превращались в часы, а я все искал, как будто находился в ловушке, созданной этим мрачным местом. Я осматривал каждое дерево, прислушивался к звукам, но лес лишь насмехался над моими поисками. К моменту, когда солнце стало садиться, я осознал, что не нашёл абсолютно ничего. Чувство беспомощности накрывало меня, и с каждой новой попыткой найти выход моя тревога нарастала.

Я понимал, что заблудился. Мгла, спускавшаяся с запада, накрывала лес, как тёмное одеяло, повсюду стоял ледяной холод. Я испытывал бремя усталости, тревоги и страха. Мороз пробирался сквозь одежду, а ноги отекали от долгих скитаний по снегу. Мне стало плохо, я чувствовал, как обморожение подбирается к моим конечностям. Я начал шептать свое имя, надеясь, что это вернет меня к реальности.

Несмотря на отсутствие очевидных улик, страх подгонял меня. Я вскоре осознал, что каждая потерянная минута приближает меня к отчаянию. Время шло, а безмолвие леса стало давить, заставляя волосы на затылке шевелиться. Внезапно, из глубины ночи, послышались звуки. Я замер, сердце колотилось в груди — это могли быть шаги, но, возможно, это был лишь звук ветра, пронизывающего деревья. Я стремительно бросился вперед, пытаюсь найти выход.

Спотыкаясь и падая, я двигался к тому, что считал знакомым — к краю леса. В конце концов, когда холод окутал меня, пронизывая до костей, я выбрался добежал до своей машины и приехал домой.

С трудом ворочая ногами, я зашел в дом. К тому времени мои руки стали белыми как снег. Я попытался пошевелить пальцами, но лишь спровоцировал боль, обдавшую обмороженные участки кожи. Из глаз потекли слезы. Я не нашёл доказательства, но душою чувствовал — за этой тьмой кроется что-то ужасное.

Я понял: теперь мне нужно искать другие пути, чтобы убедить жителей. Найти такие слова, которые смогут объяснить, какую опасность они упускают из виду, и подготовить их к тому, что ужас, притаившийся в нашем поселке, не исчезнет, пока мы не столкнемся с ним лицом к лицу.

Однако первым делом нужно было поспать, что я и сделал не снимая одежды.

Но покой, который я так ждал, пришёл ненадолго. Беспокойный сон сменился тревожными мыслями. Я лишь начал засыпать, когда меня разбудило настойчивое предчувствие — что-то было не так. Прислушиваясь к звукам за окном, я почувствовал, как ударил морозный ветер, сквозь щели проникая в комнату.

Внезапно я услышал непонятный звук, доносящийся с улицы, словно кто-то или что-то бродило по моему двору. Окна были слегка запотевшими, и я не мог разглядеть, что творится снаружи, но в груди поднималась тревога. Какие-то инстинкты подсказывали мне, что лучше оставаться настороже. Я встал с постели, прошёлся к окну и осторожно приоткрыл занавеску.

Глядя в темноту, я увидел лишь расплывчатые силуэты, но чувство беспокойства становилось всё сильнее. В голову пришла мысль: тварь снова близко. В тот момент я не мог оставаться бездействующим. Так было слишком опасно. Взяв нож из кухонного ящика, я направился к двери, медленно открывая её, и возникло ощущение необходимости действовать.

Я шагнул на улицу, стараясь прятаться в тени, ощущая ледяной холод, как пальцы охватывали ручку ножа. Вдруг я увидел его — то самое существо, с которым уже сталкивался в лесу. Оно стояло, слегка шевелилось, как будто осматривая мой дом, готовясь снова броситься на меня. Его угрюмые глаза ярко светились, полные безумия и зла.

На мгновение меня охватил ужас, но я собрал все свои силы и, словно в замедленной съемке, бросился на него. Нож вспыхнул в свете уличного фонаря, когда я попытался ранить его. Существо обернулось ко мне, и началась борьба, в которой не было ни правил, ни чести. Я чувствовал, как адреналин врывается в каждую клеточку моего тела: лишь бы выжить.

Пока я сражался с тварью, то успел заметить, что её движения были неожиданно ловкими, и я едва ускользал от её мощных лап. Холод пронизывал моё тело, и я чувствовал, как страх снова охватывает меня — не сейчас. Я был готов сражаться за свою жизнь.

В какой-то момент, когда напряжение достигло апогея, мне удалось нанести удар, и нож вонзился в плечо монстра. Существо зарычало, наполнив воздух ледяным криком, и, почувствовав боль, стало отступать. Я наблюдал, как оно, издавая жуткие звуки, исчезло в темноте, будто ночь поглотила его.

Немного отдышавшись, я всё ещё не верил в то, что только что случилось. Я вернулся в дом, уже зная, что не могу оставаться в тени. Эта тварь не выпустит нас из своих лап, пока мы не примем меры. Время действовать пришло.

Я почувствовал, как усталость накрывает меня волной, нарастая с каждым шагом. Тело, истощенное после столкновения с тварью, резко напомнило о себе — суставы ныли,

а в голове стучала боль, словно предупреждая о грядущей опасности. Я понимал, что сейчас не время расслабляться. Пока другие мирно спали в своих постелях, я знал, что мне необходимо приготовиться к следующей встрече с темным ужасом, преследующим наш посёлок.

Я принял решение сконцентрироваться на том, что мог сделать самостоятельно. Я закрыл двери и окна, укрепив их, как мог. Они были моим последним бастионом, и я не собирался упускать его. Каждый щелчок замка, каждый металлический звук напоминал о том, что время на исходе.

Я провёл весь следующий день не покидая собственного двора, перебирая вещи в сарае и собирая все возможные средства для защиты. Оружием мне служили не только нож, с помощью которого я остался жив этой ночью, но и несколько других предметов, которые могли быть полезны: лом и тяжёлый молоток. Пронизывающий ветер снаружи уносил шум за пределы дома, но я не отвлекался.

Каждый треск за окном заставлял меня вздрагивать, и волнение накрывалось тёмными волнами. Я сосредоточил свои усилия на сооружении баррикад, ломая старые стулья и разбирая ящики, чтобы создать защитные стенки. Каждое новое препятствие вселяло уверенность, и я знал, что не могу оставить ни единого шанса этой твари, которая так стремилась меня убить.

Когда вечер опустился на посёлок, мир вокруг наполнился предчувствием. Я устроил себе временное укрытие в

одной из комнат, забаррикадировав дверь и оставив узкую щель для наблюдения. Каждое скрипение дерева и каждое мелькание теней на стенах заставляли меня напрягаться. Я почувствовал себя охотником, готовящимся к важной схватке, находясь на грани между реальностью и ужасом.

Ночь, окутанная метелью, медленно приближалась. Я всматривался во тьму, стараясь не упустить ни одной детали, ожидая, когда тёмные тени снова начнут ползти по снегу. Я знал, что страх, который я испытал раньше, вернётся, и мне нужно быть готовым к схватке.

Я понимал, что эта подготовка — мой единственный шанс выжить. Страх в моих жилах был как стальной прут, подталкивающий к действию. Никакая информация сейчас не могла мне помочь; вся моя энергия должна была быть направлена на то, чтобы защитить себя и дать отпор тем тёмным силам, что скрывались за завесой ночи. Я был готов к борьбе, потому что знал: сейчас или никогда.

Я понимал: укрытие — это лишь временная мера, если создание снова появится. Нож в руке становился всё тяжелей, подобно тому, как нарастала и тревога. Я настороженно вздрагивал от звуков за окном.

Тишина разорвалась, как будто сама ночь сдалась под напором жуткого «скрипения». Я прижал лоб к окну, всматриваясь в темноту, и вдруг увидел её: высокую, иссиня-чёрную, с глазами, которые светились, словно угли в печи. Сердце за-

колотилось, и воздух стал тяжелым.

Баррикады были моим единственным щитом. Я сжал нож в руке и вздохнул, осознавая, что за пределами этого укрытия ждет только смерть. Но я не собирался сдаваться. Я явно чувствовал, как тварь двигалась к дому, как её длинные конечности разрывают снежные покровы, и дрожь пробежала по коже. Я говорил себе, что ещё не время погибать.

И вот, в этот момент тварь метнулась к двери. Каждый удар раздавался как гром. Дверь дрожала под её мощью, и я знал, что не скоро смогу сдержать её натиск. Надежда на спасение тускнела, но я не мог уйти — нужно было сражаться до конца.

С третьего раза дверь не выдержала и распахнулась с оглушительным треском. Свет глаз существа залил комнату. Я отступил вглубь своего укрытия, прижимаясь к стене. Я сглотнул комок в горле, но в этот миг паника лишь подстегнула мой инстинкт выживания. Я не мог выбраться, но мог сражаться.

Тварь, пройдя сквозь баррикады, оказалась в комнате. Я бросился на неё с ножом, стараясь ударить в бок. Удар попал, и я почувствовал, как нож вонзился в её шкуру, оставляя болезненный след. Состояние страха перешло в ярость — я был готов биться до последнего. Тварь взвилась назад, издав неистовый вой, и порвала часть моей куртки острыми когтями.

Я сжал лом в другой руке и снова атаковал, стараясь по-

пасть в её шею. Я не промахнулся, но её кожа оказалась твёрже, чем я ожидал. Вместо того, чтобы впиться в плоть, удар отскочил, и тварь с яростью бросилась вперёд. Я уклонился вбок и побежал к стене, зажимая раненую руку.

Я почувствовал, как силы покидают меня, но не мог сдаться. Время казалось странно искажённым, каждый миг обострялся. Я знал, что если не отброшу страх, то потеряю всё.

Тварь бросилась ко мне с неистовым ревом. Я перескочил через упавший стул и ударил её снова, на этот раз в бок. Удар был сильным, и я мог видеть. Она заколебалась, и я почувствовал, как нарастает уверенность.

Но в тот момент, когда я собирался снова атаковать, она внезапно развернулась и вонзила в меня когти. Боль пронзила мой живот — я прижался локтями к ране, и это отрезвило. Я был близок к краю, силы покидали меня, но я отчаянно отпрыгнул в другой угол комнаты, сжимая нож и лом.

Я пытался собраться, но тварь была неумолима. Её глаза будто просвечивали сквозь меня, видя все мои страхи. Она снова метнулась к двери. Я уже собирался увидеть свой конец, когда неожиданно послышался гулкий звук — словно кто-то приближался.

Соседи! Они начали собираться вокруг. Я не мог поверить своим ушам. Как гремучий гром, звуки их шагов и крики пришли мне на помощь.

Тварь, услышав приближающиеся голоса, замерла. Я с

трудом поднял голову, когда мои соседи врывались в комнату — дружные и решительные, с ружьями в руках.

Пока она отвлекалась на них, я собрал последние силы и вскочил, вновь нападая на тварь, нанося ещё один резкий удар в её бок. Я услышал, как тело твари дернулось, когда кто-то метнул в неё что-то огромное.

Вскоре выстрелы разорвали тишину, и тварь, задыхаясь, попятилась, гремя своим телом о стены. Я ощущал, как ко мне возвращается надежда, когда её жалобный крик раздался в воздухе. Я падал, не в силах больше стоять.

Каждый выстрел, каждый крик был, как молитва, и вскоре тварь рухнула в углу. Я был спасён, но не без страшных последствий. Жизнь, казалось, покидала меня, но с каждым звуком я чувствовал, как ужас отступает.

Глаза начали смыкаться, но вокруг слышались голоса — знакомые, родные, готовые защитить. Я не знал, будет ли это конец, но одно было ясно: я сражался, как мог, и победил.

— Пропавших так и не нашли, но метель закончилась. После этого меня отправили на больничный, а затем всё пошло своим чередом. — закончил Николай Петрович свой рассказ.

После этого он замер, глядя в чашку с остывшим чаем, словно искал в её глубине ответы на неразрешимые вопросы. Тишина, окутывающая нас, стала почти ощутимой, заполнив комнату грузом неопределенности и печали. Время,

казалось, остановилось, погрузив наши мысли в бездну размышлений о том, что произошло в Снежном.

После обмена любезностями я покинул его дом. Мои шаги были осторожными, как будто я нарушал священное пространство, наполненное воспоминаниями. Как же трудно было покидать его — этого человека, ставшего свидетелем жутких событий. Перед своим уходом я заметил, что Николай выглядел изможденным, его глаза, были полны боли и утраты, отражали всё, что он пережил. Мысли о его горечи не отпускали меня, как и мысли о десятках жизней, пересекающихся с его.

Я понимал, что каждая история, которую я слышал, была частью мозаики, формировавшей общество, в котором мы жили. За каждым исчезнувшим существовала своя непередаваемая трагедия, а за каждой жизнью — свои страхи и боли, которые оставляли свои следы на душах людей. Внезапно мне стало ясно, что в этом мироздании человеческая судьба находится не только под контролем обстоятельств, но и под давлением самих же людей, теряющихся в своих страхах и предрассудках.

Находясь в состоянии душевного смятения, я вышел на улицу. Снег скрипел под ногами. Ветер холодным дыханием пытался унести меня, но я был намерен пойти своей дорогой — дорогой правды, хоть ущелье страха и тревоги вновь разрывалось в моем сердце. Я чувствовал, что снег, покрывающий мир, как будто скрывал те зловещие тайны, которые

люди боятся осознавать, прикрывая глубокую истину.

Как же трудно людям поймать суть правды, когда её прячут за страхом. Я размышлял о том, что порой в нашем окружении существуют зловещие тени, которые прячутся на свету, неся в себе кошмары и ненависть. Каждая встреча, каждая личная история могут рассказать о чем-то большем, чем лишь факты. Люди, прямым образом связанные со своей историей, демонстрируют, что борьба с подавляющими тенями — это процесс, который требует мужества и терпения.

Я чувствовал, как меня наполняет решимость. Даже среди всей этой мрачной правды, которую я услышал от Николая, нельзя забывать о том, что смелость и решимость способны разорвать цепи, сковывающие наше существование. Я понимал, что даже в самых темных обстоятельствах, когда нам кажется, что свет исчез, шанс вернуть его всегда остаётся. Важно лишь помнить, что каждый из нас имеет свою внутреннюю силу, способную осветить даже самую безысходную тьму.

Её голос в моей голове

Лесовка — уютный посёлок, погружённый в зелёные объятия лесов и окружённый величественными горами. Для многих он становится тихим убежищем, где время замирает, а шёпот природы звучит громче и мелодичнее, чем ритм суетной городской жизни. Для меня он оказался последней надеждой. Я — Алексей Морозов, писатель, оставивший позади шум мегаполиса в поисках тишины и вдохновения. Страстно желая завершить новый роман и вновь обрести утраченный внутренний голос среди этих бескрайних просторов, я надеялся оставить в прошлом все свои неудачи. Но вскоре тишина, которая поначалу казалась благословением, стала невыносимой. Я столкнулся с чем-то куда более тревожным, чем гул городской суеты.

Я медленно бродил по узким улицам Лесовки, наполняя лёгкие свежим, пахнущим соснами воздухом. Это было подлинное благословение. Каждый вдох приносил с собой ароматы влажной земли, недавно омытой дождём. Мой дом — старая деревянная избушка — стоял на краю посёлка, укрытый под сенью высоких деревьев, словно сама природа обнимала меня своим зелёным покрывалом. Здесь, вдали от городского шума, у меня появилась возможность размышлять, писать и оставить позади всё, что терзало меня прежде.

Сначала уединение дарило покой, но со временем тишина, некогда вдохновляющая, начала разъедать меня изнутри. Я стал замечать настойчивый шёпот, проникающий в сознание, как треск ломкой ветки под ногами.

— Загляни в подвал, — звучал голос, как зловещий приказ, от которого невозможно было отвернуться.

Я изо всех сил старался отмахнуться от этой мысли, списывая всё на усталость и переутомление, но с каждым вечером шёпот становился всё настойчивее.

Во снах начали появляться образы: девушка с печальными, полными страха глазами. Я не знал её имени, но её тень неотступно преследовала мои мысли, тревожа совесть. Сны становились всё более навязчивыми и пугающими. Я видел, как её насильно уводят в темноту, как она страдает, как испытывает невыносимую боль. Каждый раз я просыпался в холодном поту — с сердцем, бешено колотящимся в груди, и с шёпотом, всё ещё звучащим в голове, словно он был частью меня самого.

Я пытался сосредоточиться на романе, надеялся, что Муза вернётся, но мысли о девушке вновь и вновь разрывали мой внутренний мир. Я не знал, где её искать, но чувствовал — она в беде. Её страдания возвращались ко мне, как навязание, как картина, которую невозможно забыть.

Каждый раз, когда я вспоминал подвал соседей — пожилой пары, Василия и Нины Сергеевых, — во мне поднималось странное предчувствие. Голос, побуждение, интуиция

— это было нечто большее, чем просто игра разума.

Каждое утро начиналось с ощущением тревоги, как будто сама природа пыталась меня предупредить. Лесовка, казавшаяся когда-то идеальным убежищем, всё больше превращалась в пространство неразгаданного ужаса. Я осознавал: за этой тишиной может скрываться нечто по-настоящему злое. И мне предстоит встретиться с ним лицом к лицу.

Прошло некоторое время, и я, наконец, решился действовать. Утро медленно пробуждало меня от очередного ночного кошмара, и первые лучи солнца рассеивали темноту. Я вышел на улицу и почувствовал холодный ветер, который, казалось, приносил с собой шёпот тревоги и беспокойства, снова охвативших моё сознание. Я понимал: необходимо что-то предпринять, и единственным способом получить ответы было знакомство с соседями — Василием и Ниной Сергеевыми.

Я направился к их дому, находившемуся всего в нескольких десятках метров от моего. На первый взгляд — обыкновенный дом: невысокий, с покосившейся крышей и огородом, пестревшим цветами. Его неприметность немного успокаивала, но голос в голове всё ещё настойчиво подталкивал меня к действию.

Переходя по лужайке, я заметил Нину — невысокую женщину со светлыми волосами и добрыми глазами, трудившуюся

юся в огороде. Рядом был Василий — высокий и крепкий мужчина с измождённым лицом. Они казались неотъемлемой частью этой земли, как деревья, окружавшие их. Солнечные лучи освещали их лица, и при взгляде на них возникало странное чувство покоя.

— Доброе утро! — крикнул я, стараясь выглядеть дружелюбнее, чем чувствовал себя на самом деле.

Нина обернулась и улыбнулась:

— Доброе утро! Вы, должно быть, новенький в Лесовке? — с любопытством спросила она.

Я кивнул. В голове бушевали мысли, но я пытался сохранять спокойствие.

— Я Алексей. Писатель. Переехал сюда в поисках вдохновения, — ответил я, надеясь, что это вызовет интерес.

Василий, остановившись рядом, прищурился и внимательно посмотрел на меня.

— Писатель? Надеюсь, вы не из тех, кто пишет на коленке ради заработка, — произнёс он с лёгкой усмешкой. — Здесь, боюсь, может не хватить «вдохновения» для таких шедевров.

Я молчал, вглядываясь в их лица и жесты, будто пытался отыскать в них улики, подтверждающие мои тревожные подозрения. В голове снова зазвучал настойчивый шёпот: «Загляни в подвал...» Я начинал понимать, откуда растёт тревога.

Разговор продолжился, и вскоре я узнал об их жизни —

простых радостях и повседневных заботах. Их быт казался незамысловатым, но внутренний голос всё равно шептал, намекая на нечто большее, скрытое за обыденностью.

— Если вам когда-нибудь понадобится помощь или просто захочется поговорить — приходите, — предложила Нина. Но в её голосе прозвучала едва заметная настороженность.

Я поблагодарил их и, попрощавшись, вернулся к своему дому. В голове царило смятение. Я хотел видеть в Сергеевых добрых соседей, но шёпот продолжал будоражить мысли. Что же может скрываться в их подвале?

Этой ночью я снова не смог уснуть. Иногда меня отвлекали мысли о работе, всплывающие образы, но заботы о Сергеевых и их подвале заполняли каждую свободную минуту. Тревога нарастала, сжимая мой разум в тиски. Я начинал догадываться о присутствии чего-то зловещего.

Позже, в тишине ночи, я осознал: чтобы справиться с этим внутренним беспокойством, мне нужно разгадать загадку, связывающую меня с Сергеевыми. Я больше не мог игнорировать голос в голове. Он звал меня к поиску — и я не имел права уклониться от этого зова, даже если он вёл к опасным последствиям.

Дни в Лесовке сливались в однообразие, но в моём сознании бушевала настоящая буря. Я решил наблюдать за Серге-

евыми, надеясь, что их повседневные привычки приоткроют завесу тайны, не дававшей мне покоя. Часы, проведённые у окна, напоминали чтение увлекательного романа — правда, сюжет этого романа был ближе к зловещей сказке.

По утрам они выходили из дома, и я ловил момент, когда Нина отправлялась в магазин, а Василий погружался в заботы об огороде. Я наблюдал, как они пересекают двор, где под солнечными лучами стелились тонкие травы и прутики. Эти, казалось бы, ничем не примечательные моменты заставляли моё сердце биться чаще, словно оно чувствовало: за этой обыденностью скрывается нечто большее.

С каждым днём шёпот в голове становился всё настойчивее. «Загляни в подвал», — звучало как заклинание, от которого невозможно было избавиться. Порой мне казалось, что этот голос принадлежит девушке из моих снов — той самой, чьи полные страха, печальные глаза терзали меня каждую ночь. Она пряталась в пугающей темноте, её крики рвали тишину, а я снова и снова безуспешно пытался её спасти. Эти образы преследовали меня даже за письменным столом, когда я пытался сосредоточиться на написании своего романа.

Я стремился углубиться в творчество, но мысли о Сергеевых и их подвале постоянно отвлекали. С каждым днём всё яснее становилось: наблюдения недостаточно — мне нужно узнать, что скрывается за той дверью. Я чувствовал, что это единственный способ избавиться от гнетущей тревоги, пре-

следовавшей меня.

Собравшись с мыслями, я начал запоминать маршруты Сергеевых, изучая, какими путями они ходят и насколько строго придерживаются своей рутины. Однажды вечером, когда солнце окрашивало горизонт в золотистые тона, я заметил, как Нина вышла из дома с пакетом в руках. Я терпеливо дождался, пока она не скрылась за углом, и, глубоко вдохнув, направился к их дому.

Я обошёл вокруг, сжимая в руках записную книжку, в которую заносил каждую мелочь, связанную с ними. Спрятавшись за кустами, я вдруг заметил, как за дверью подвала мелькнула тень. Сердце ускорило ход. Затаив дыхание, я не отрывал взгляда от двери.

Вскоре внутри слышались голоса — спокойные, будничные разговоры. И всё же в этих голосах ощущалась неясная тревога, тяготившая меня. Я жаждал узнать правду, но не решался пойти дальше.

Ночь вновь опустилась на Лесовку, погружая её в атмосферу тайны и невидимого страха. Тёмные образы не оставляли меня даже во сне. Я снова увидел ту девушку — незнакомку с глазами, полными отчаяния, стучащую в запертую дверь. Я слышал её безмолвный призыв. Она ждала, пока я наконец загляну в подвал.

С каждым днём моя одержимость Сергеевыми усиливалась. Я отчаянно перебирал в уме возможные способы проникнуть внутрь — лишь бы покончить с этим мучительным

шёпотом, который не отпускал. Наконец, когда план в моей голове оформился, стало совершенно ясно: пришло время взять судьбу в свои руки и столкнуться с реальностью, от которой я так долго упрямо отворачивался.

Среди тишины, окутывающей Лесовку, витало предчувствие чего-то ужасного. Сергеевы уехали, и, как только их машина исчезла за поворотом, моё сердце забилось быстрее. Это был мой шанс — я должен был узнать правду о подвале. Боязливый инстинкт удерживал меня, но настойчивый шёпот в голове звучал так убедительно, что я больше не мог сопротивляться.

Я быстро направился к сараю, где среди старого хлама нашёл лопату. Сжимая её в руках, почувствовал, как внутри крепнет решимость. Подходя к дому соседей, я оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не наблюдает.

Когда я подошёл к окну, увидел, что оно было наглухо заколочено. Но это не могло меня остановить. Холодный ветер бил в лицо, пока я наносил удары лопатой, стараясь пробить стекло. Удар за ударом — и вскоре по стеклу побежали трещины. С глухим звуком оно осыпалось вниз. Я аккуратно убрал обломки, перепрыгнул через подоконник — и оказался внутри.

В доме стояла мёртвая тишина. Казалось, что сам дом настороженно наблюдает за мной. Напряжение нарастало, но шёпот в голове подгонял меня вперёд. Я прошёл через кори-

дор и достиг кухни. За кухонной дверью находилось то, ради чего я пришёл — таинственный подвал.

Как только я спустился вниз, густая тьма подвала накрыла меня с головой. Я включил фонарик на телефоне. Судорожно озираясь, двинулся вглубь, но, к моему разочарованию, подвал оказался пуст. Только грубые доски стен и шкафы с закатками. Ни малейшего намёка на то, что я искал. Но голос в голове снова дал о себе знать.

— Вырой яму, — требовал он с нарастающей настойчивостью.

Я посмотрел на пол, сжал лопату — и принял решение. Начал копать. С каждым ударом по земле тревога усиливалась. Прошло несколько минут, и вдруг лопата наткнулась на что-то твёрдое. Я отбросил землю в стороны. Медленно, отрывая комки земли, наконец увидел то, что скрывалось на дне — кости.

Сердце бешено заколотилось. Я понял: это может быть тело той самой незнакомки из моих снов. Я застыл. Холодный пот выступил на лбу. И вдруг — шум двигателя. Кто-то подъехал к дому.

В панике я выскочил из подвала. Стараясь не шуметь, выглянул наружу. У забора стояли четверо: двое пожилых соседей, которых я знал, и двое незнакомцев — высокие, широкоплечие, с суровыми лицами. Леденящее осознание подкралось ко мне: это были они. Те, кто мучил девушку в моих снах.

Внутри всё сжалось. Если я в их доме — значит, я в опасности. Я спрятался в шкафу, затаившись в темноте, не издавая ни звука. Каждый миг тянулся бесконечно. Я знал: вскоре случится нечто страшное. Впереди — борьба за жизнь. Шанс расплатиться с теми, кто нарушил покой той девушки. Девушки, чью трагедию я видел во сне.

Я крепко сжал лопату. Если они войдут — я буду готов. Страх и решимость слились воедино, пока я ждал своего момента.

Когда дверь открылась, в дом вошёл один из высоких мужчин — тот, кто пугал меня больше всех. Я замер в укрытии, затаив дыхание. Он медленно прошёл мимо шкафа, в котором я прятался, и направился на кухню, потянувшись к выключателю. Яркий, резкий свет ударил ему в глаза, и я на миг оцепенел.

Сердце бешено колотилось, ноги подкашивались от страха, но внутренний голос подгонял меня: «Сейчас!» — прозвучало в сознании, толкая к действию. Я выскочил из шкафа — лопата с глухим ударом встретила с его головой. Он рухнул, не успев даже вскрикнуть. Кровь хлынула из раны, и лезвие лопаты окрасилось алой полосой. Я застыл, пытаюсь перевести дыхание, но адреналин кипел в венах, нащёптывая: «Двигайся».

Из коридора донёсся шум — второй мужчина вбежал на кухню и, увидев товарища, лежащего в луже крови, оцепе-

нел от ужаса. Я мгновенно воспользовался его замешательством, бросился к дверному проёму и нанёс удар. Он рухнул, так и не поняв, что произошло. Я тяжело дышал, глядя на два окровавленных тела. Пятна крови теперь были и на моей одежде.

Секунды растянулись в вечность. Вдруг я вспомнил о соседях — стариках, которые могли уже вызвать полицию. Я стремглав вернулся в спальню. Нина, с ужасом в глазах, смотрела на меня. Я ощутил укол вины — но сейчас не было времени на чувства.

— Беги и зови полицию! — закричал Василий, встав передо мной, заслоняя собой выход. В его глазах — решимость защитить жену, но я знал: уже слишком поздно.

Вместо того чтобы отступить, он бросился на меня с кулаками. Я, полный страха и ненависти, не раздумывая ударил снова. Сила во мне возросла, когда я увидел, как он падает.

Нина попыталась вырваться, но, оступившись, вскрикнула в панике. Я поддался инстинкту — бросился к ней. Наши взгляды пересеклись, и на миг всё остановилось: её страх и моя ярость слились в одно.

Я не мог позволить ей уйти. Преградив путь, я ударил — и она рухнула на пол. Мир застыл. Лишь сгущающаяся тьма напоминала о содеянном.

Соседи лежали без сознания в собственной крови. Тишина оглушала. У меня не было времени. Я выскочил из дома и не оглянулся. Не мог.

Добежав до своего дома, я судорожно собрал всё необходимое: паспорт, деньги, еду — всё, что могло пригодиться, всё, что связывало с прежней жизнью. Сердце билось в панике, адреналин не отпускал. Переодевшись, я выскочил на улицу.

Я знал: это единственный шанс покинуть Лесовку. Запрыгнув в машину, я вставил ключ в замок зажигания, заставляя себя ехать — не зная, куда, не думая, зачем. Главное — прочь. Прочь от этого кошмара, от того, кем я стал.

Ветер свистел в ушах, когда я мчался по пустым улицам, оставляя позади не только тела, но и мысли, что гнались за мной. Я понимал: пути назад нет. И это чувство — не свободы, а ужаса — сковывало. Ужаса перед тем, что я теперь нёс с собой. Перед собой настоящим.

Когда я, наконец, выбрался из Лесовки, сердце бешено колотилось, а вены пульсировали от адреналина. Одна мысль не покидала моего сознания: я только что стал убийцей. Груз этого осознания давил, словно горы, окружающие мрачный посёлок. Я бежал из того места, где всё началось, но чувство вины тянуло за собой, как неподъёмная ноша.

Оставив машину в поле, я направился вглубь леса. Ветки шуршали под ногами, а тишина вокруг казалась зловещей. Я понимал, что не могу остаться здесь и надеяться, будто кошмары исчезнут сами собой. Выйдя на обочину дороги, я увидел лишь пустоту — однообразная асфальтированная лента

тянулась в обе стороны. Я был один, потерянный в этом безлюдном месте, а мысли о том, как избавиться от преследующего чувства вины, не давали покоя.

Каждая проезжающая машина заставляла меня вздрагивать. Я чувствовал себя зомби в мире живых — правонарушителем, который больше не сможет вернуться к обычной жизни. Люди в салонах казались беззаботными, но внутри меня бушевал шторм. Я вспоминал её: крики, страх в глазах, момент, когда я был беспомощен и не смог помочь.

Шагая вдоль обочины, я снова и снова прокручивал в голове события того дня. Пытался убедить себя, что всё это — просто кошмар, из которого вот-вот проснусь. Но стоило лишь закрыть глаза, как голос незнакомки вновь шептал: «Помоги мне. Убери меня из этой тьмы». Между нами тянулась невидимая цепь, и, как бы я ни убегал, понимал: уйти насовсем не смогу.

Когда впереди показался силуэт автомобиля, я замер. Машина остановилась, и из неё вышел мужчина с добрым, но тревожным выражением лица.

— Привет! Нужна помощь? — спросил он. Я кивнул, собравшись с мыслями.

— Да, мне нужно добраться до ближайшего мотеля, — ответил я, стараясь говорить ровно, несмотря на дрожь в голосе.

— Могу подвезти. За небольшую плату, конечно, — сказал он. Я почувствовал, что этот человек, Игорь, действи-

тельно хотел помочь.

Сев в машину, я молчал, сжимая руки на коленях. Он пытался разговорить меня — спрашивал, откуда я, как давно здесь, — но я лишь кивал или односложно отвечал, погружённый в мысли.

Когда мы прибыли к мотелю, Игорь остановился и обернулся ко мне.

— Вот мы и на месте, — сказал он с тревогой в голосе.

Я расплатился, поблагодарил и остался стоять у входа. На мгновение замер, думая о том, как мне теперь жить. Огни мотеля мерцали в темноте, но в душе царила бездна — чёрная, тяжёлая, полная вины и страха.

Я вошёл внутрь, погружённый в раздумья о произошедшем. Персонал встретил меня любопытными взглядами, от которых я смутился, словно был здесь чужим. Заплатив за номер, я поднялся на второй этаж, ненавидя себя за то, что связался в это жуткое путешествие.

Открыв дверь, я выдохнул, словно скидывая с плеч груз. Серые стены впитывали усталость и страх, а в углу тихо мигал роутер. Тогда я осознал: у меня есть интернет. Это был шанс — возможность выговориться и быть услышанным.

Не раздумывая, я сел на кровать, открыл на телефоне форум, где люди делились страшными историями, и начал писать. Пальцы сами стучали по экрану, словно знали, что сказать. Во мне бушевала буря, и всё, что могло вырваться на-

ружу, катилось по страницам в виде слов — неуклюжих, но искренних.

Так я написал всё, что вы читаете сейчас.

Той ночью, заполнив экран словами, я понял: поделившись этой историей, я не просто ищу понимания — я прощаюсь. Я не мог вынести последствий — я убил не только четверых людей, но и себя. Жизнь, которую я знал, закончилась в тот момент, когда я уничтожил обидчиков той незнакомки.

Я знал: скоро выйду на террасу, где и окончу свою жизнь. Сердце сжималось от страха, но мысль об окончании казалась почти утешительной. Я не мог представить, что когда-либо снова стану «нормальным». И не хотел молчать о своей тьме.

Мысли сгущались, как тучи перед грозой. Я нажал «Опубликовать», понимая — это не просто слова. Это мой последний путь. Гнев, стыд, страх и боль — всё выплеснулось наружу, и на их месте начало прорастать странное чувство лёгкости.

Но что дальше? Мысли о финале моего рассказа кружились в голове. Голос незнакомки продолжал шептать: «Помоги мне». Тогда я понял: покидая этот мир, я оставляю и её. Но что ещё мне оставалось?

Я взглянул на экран. Выбор был сделан. С каждым мгновением я приближался к финалу. Я уходил — и забирал с собой всё, что когда-либо любил и терял. Закрыв глаза, я со-

брал в памяти её образ, как свет в конце тоннеля.

Последние слова стали моим прощанием. Моим освобождением.

И, наконец, я нажал «Отправить». Тишина загустела вокруг, и я понял: это был мой последний шаг.

Ночные тени стройки

Иногда мне кажется, что всё это просто приснилось.

Что я, как обычно, задремал в своей будке — уставший, отрешённый, под глухое бормотание старого радио. И всё, что случилось потом, — лишь сон. Плод тревог и одиночества, выдумка измученного сознания, пытавшегося вырваться из серой рутины.

Но потом я просыпаюсь — и в груди что-то стучит.

Тяжёлое, липкое чувство, как ржавый гвоздь, вбитый слишком глубоко.

Слышу шорох за тонкой стенкой. Замечаю, как кто-то медленно проходит мимо подъезда.

И понимаю: это было.

Не знаю, зачем пишу всё это. Наверное, чтобы убедить себя, что я ещё человек.

Что способен говорить. Способен вспоминать — и не сойти с ума.

Это не рассказ о героизме.

Не о борьбе света и тьмы.

Даже не о выживании — не в том смысле, к которому мы привыкли.

Это просто история охранника, который однажды увидел слишком многое.

Если дочитаешь до конца — возможно, поймёшь, почему

теперь я закрываю дверь на два замка.

И почему больше никогда не подойду близко к стройке.
Особенно ночью.

Ночь выдалась тихой — настолько, что казалось, сама стройка уснула вместе с городом. Где-то вдали лениво гудела машина, глухо, будто звук шёл из-под земли. Я провёл лучом фонарика вдоль забора — всё, как всегда. Металлические секции скрипнули на ветру, отражая тусклый свет. В небе висела бледная луна — словно старая, потёртая монета. Прожекторы, расставленные по периметру, выхватывали из темноты ржавые остовы кранов и бетонные блоки. Всё застыло, как кадр на выцветшей фотографии.

Я зевнул и потянулся, ощущая, как неприятно хрустнули затёкшие суставы после нескольких часов сидения.

Рутинный обход — дело нехитрое: пройтись по кругу, заглянуть за вагончики, проверить, не пролез ли кто через дыру в заборе, — и обратно в будку. Чай из термоса, тиканье часов, слабый голос радио — всё по привычке.

Иногда мне казалось, что я сам уже часть этой стройки: такой же забытый, пыльный, ненужный.

Я шёл мимо каркаса будущего дома, когда фонарик выхватил движение. Что-то мелькнуло в темноте — резкое, чужое.

Я замер. Прислушался. Сначала подумал — показалось. Но потом услышал глухой стук. Ритмичный, тяжёлый — как

будто кто-то копал землю.

Я медленно направил свет в ту сторону.

Мужчины. Пятеро. В строительной форме, но лица скрыты капюшонами. Они стояли у ямы, глубокой, тёмной. Один отступил, вытер лоб. Двое других подтащили к краю большой мешок. Он выглядел... странно. Как будто внутри было что-то тяжёлое. И мягкое.

Они переглянулись — и сбросили мешок вниз.

Глухой удар.

Я невольно отступил, чуть не уронив фонарик. Сердце бухнуло так громко, что я испугался — вдруг услышат? Воздух стал липким, вязким, словно кисель.

Что это было? Мусор? Почему ночью? Почему так тихо?

И почему мне так страшно?

Я прижался к стенке вагончика, прячась в тени, не смея пошевелиться. Рука нащупала в кармане телефон, но пальцы дрожали. Позвонить? Кому? Что сказать?

«Я видел что-то... странное»?

А если это просто рабочие? Ночная смена, нанятая в обход графика? Если я устрою шум — а они ни при чём?

Но мысли в голове уже собирались в острые, тревожные образы: яма, мешки, пятеро молчаливых мужчин. Ни разговоров, ни перекура, ни фонарей — будто всё рассчитано на то, чтобы остаться незамеченными.

По спине пробежал холодок.

Я хотел уйти. Вернуться в будку, запереть дверь, сделать

вид, что ничего не было.

Но ноги не слушались.

Я стоял, будто врос в землю, и смотрел, как они сбрасывают второй мешок.

Колени подкосились, я осторожно присел, стараясь дышать как можно тише.

В груди разливалась тревога — густая, липкая, перемешанная с глупым, почти детским любопытством.

Что, чёрт возьми, они делают?

И должен ли я что-то предпринять?

Или лучше... молчать и дожидаться утра?

Гравий скрипнул.

Я едва не выронил фонарь, когда один из них — высокий, широкоплечий, с лицом, скрытым под капюшоном — резко повернулся в мою сторону. Лампа над его головой качнулась от ветра, и в ту же секунду я увидел его глаза.

Пустые. Без намёка на сомнение. Без искры.

— Эй! Кто там?! — голос у него был резкий, как стекло по металлу. Острые края звука вонзались в уши.

Остальные тут же замерли. Один выпрямился, медленно положил руку за пояс.

Пистолет.

— Ты кто такой? Чего подглядываешь? — шаг за шагом они приближались. — Любопытный, да?

Я застыл. Горло пересохло, будто я наглотался песка. Фо-

нарь дрожал в руке, сердце билось где-то в ушах — гулко, сбивчиво.

— Сейчас мы с ним поговорим, — хмыкнул кто-то.

— Лучше бы тебе не знать, что ты видел, — бросил другой, уже доставая оружие. — У тебя выбор: либо в яму, либо в тишину. Решай.

Бежать.

Мозг не приказывал — он взрывался. Вопил, умолял, гнал прочь. Я сорвался с места, метнул фонарь в сторону, как приманку. Он ударился об бетон, откатился под плиту и теперь светил в небо — слепой, бесполезный.

— Он побежал! Лови его! — рявкнул кто-то. И сразу же — хлопок.

Пуля с визгом ударила в металлическую балку справа от меня.

Я нырнул за кучу стройматериалов.

Адреналин вспыхнул, разлился по телу, всё внутри сжалось — будто сама плоть поняла: или сейчас, или никогда.

Живой или мешок в яме.

Бежать. Не думать.

Только ноги. Только воздух — горячий, острый, как ржавый нож в рёбрах. Я перескочил поддоны, проскочил между досок, поскользнулся, грохнулся коленом, но поднялся и продолжил.

Сзади свистели пули.

Как в кино.

Только я не герой. Я охранник. Просто охранник.

За поворотом — коридор между недостроенными стенами. Я свернул, прыгнул на бетонный блок, перелез через перекладину.

Вперёд. Только вперёд.

Тени и бетон — всё, что ждёт дальше.

Но хотя бы без пуль возле уха.

Дышать становилось всё труднее. Казалось, сердце выско-чит из груди и убежит первым.

Ладони в крови — где-то поцарапался. Неважно.

Главное — уцелеть.

Я не оглядывался. Не хотел видеть, насколько они близко.

Казалось, сзади тянется не погоня, а одна жуткая тень — плотная, бесформенная, убийственная.

Выход.

Забор.

Вон он. Чёрт возьми, вот он!

Я бросился к знакомой дыре в сетке, ухватился за ржавый металл, рванул и проскочил. Куртка порвалась, плечо обожгло — но я был снаружи.

Темнота за забором пахла пылью и спасением. Я бежал ещё с десятков секунд, прежде чем рухнуть за каким-то контейнером, прижавшись к холодному металлу.

Тело трясло. Грудь ходила ходуном.

Я зажал рот рукой — чтобы не заорать.

Меня хотели убить.

Настоящие люди. Настоящие пистолеты. Настоящее желание стереть меня с лица земли.

Я был в шаге от того, чтобы стать частью их тайны.

Мешком в яме.

Но я выжил.

Пока что.

Я выскочил на улицу — ледяной воздух ударил в грудь, как пощёчина, врываясь в лёгкие, будто учил дышать заново. За спиной осталась стройплощадка — чужая, тёмная, враждебная. Впереди — асфальт, фонари и равнодушные спящего района.

Луна висела высоко, как будто ей было всё равно. Где-то вдали глухо проскрипел троллейбус, щёлкнул светофор. Город продолжал жить, словно ничего не произошло.

Я добежал до машины, рванул дверь и рухнул в кресло своей старой «десятки». Сердце бешено колотилось, словно выламывало рёбра изнутри. Лоб был мокрым, руки дрожали — но я был жив. Цел. Здесь.

Повернул ключ — двигатель заурчал с привычным хрипом. Моя развалюха, мой старый друг. Сегодня — крепость на колёсах.

Я опустил лоб на руль. Только сейчас почувствовал, как устал. Тело ломило, как после марафона через пекло. И сквозь боль — дикое, почти первобытное облегчение. Меня не убили. Не прикопали. Не сделали частью той мерзости в

темноте.

И тут — хлопок. Что-то ударилось в стекло.

Я дёрнулся. В следующую секунду боковое стекло разлетелось на осколки.

Выстрел.

По машине.

По мне.

Они нашли меня.

Я вдавил газ в пол — мотор взвыл, колёса сорвались в визг. Машина вырвалась вперёд, зигзагами пронеслась по пустой улице.

В зеркале что-то мелькнуло — капюшон? Тень? Мне не нужно было подтверждения.

Главное — уехать. Домой.

Я мчался вслепую. Сердце грохотало в ушах, пальцы вцепились в руль мёртвой хваткой. Мир за окнами размазывался, как сон на грани кошмара. Я не помню, как доехал. Как припарковался. Как поднялся по лестнице.

Всё — на автомате.

Дверь захлопнулась за спиной — и наступила тишина. Густая, тяжёлая. Неправильная.

Квартира встретила, как всегда: тусклая лампа у дивана, монотонный гул старого холодильника, полумрак и родные стены.

Но сегодня это место не казалось безопасным.

Каждый скрип паркета — как выстрел. Каждая тень —

как чужой силуэт.

Я стоял в прихожей, не раздеваясь: в потной форме, в грязных ботинках, с дыханием загнанного зверя.

Полиция. Позвонить. Немедленно.

Пальцы дрожали. Я вытащил телефон, набрал 112. Экран дрожал перед глазами. Сердце бухало в висках.

— Чёрт... давай же...

Сигнал. Гудок. Ещё один.

— Служба 112, оператор слушает. Чем могу помочь?

— Да... здравствуйте... это... стройка... я охранник... в меня стреляли... там что-то... они... они копали яму...

— Кто? Кто «они»? Постарайтесь говорить медленно.

— Люди... какие-то мужики... я не знаю! Они... мешки... я не уверен, может, тела... что-то прятали...

— Где именно это произошло?

— На третьем объекте. Стройка у МКАД. Зброшенный участок... Я должен был быть там один.

— Вы пострадали? Вас ранили?

— Нет... не попали... стреляли рядом... специально — не знаю...

— Можете назвать ориентир?

— Там бетонные блоки, ржавый кран, рядом вагончик. Я там каждый день. Я покажу! Только пришлите кого-нибудь!

— Уже отправляем наряд. Не отключайтесь. Как вас зовут?

— Сергей... Сергей Нестеров...

— Хорошо, Сергей. Вы сейчас в безопасности? Где вы находитесь?

— Дома... я... добежал...

— Оставайтесь внутри. Не открывайте никому, кроме полиции. Мы всё зафиксировали. С вами свяжутся.

— Они... они смотрели на меня...

— Кто?

— У ямы... один с пистолетом... второй говорил что-то. Они видели, что я жив. Не доби́ли. Просто смотрели...

— Вас поняли, Сергей. Всё будет хорошо. Главное — вы живы. Полиция скоро будет у вас. Держите телефон при себе.

— Я... я не знаю, как это забыть...

— Сейчас главное — безопасность. Остальное решим.

— Хорошо... да...

Связь оборвалась.

А в ушах всё ещё звенело.

Я стоял в прихожей, повторяя, словно мантру:

— Я живой. Я живой. Я живой...

Будто если замолчу — исчезну. Или проснусь.

Сцена вспыхнула в памяти, как ожог:

Они стояли у ямы. Один поднял пистолет. Второй — что-то прошептал. Выстрел. Земля рядом взорвалась комьями. Я побежал. Крики. Ещё один выстрел.

Страх. Не паника, не испуг — а всепоглощающее, животное чувство.

Я сел на край дивана, сжал голову руками, вцепился паль-

цами в волосы.

Что теперь? Что я сделал?

Я просто охранял стройку. Просто подписался под дежурство.

Теперь — я внутри этого кошмара.

Я хотел обратно — к ночной рутине, к скуке, к бесконечным чаепитиям.

Но теперь я знал, что видел.

И знал, что они знают, что я это видел.

Сбежать не получится. Забыть — тем более.

Даже сейчас, здесь, в квартире, за шторами и светом лампы, я чувствовал: снаружи — та же стройка. Та же тьма. Те же пули.

Они уже ищут меня.

И я не знал, когда это закончится.

Если вообще закончится.

Я проснулся от настойчивых стуков в дверь.

Сначала не понял, что происходит. Будто бы вынырнул из глубокого сна в чужую, тревожную реальность. Кто-то стучал — коротко, уверенно, без колебаний. Так обычно стучат не с вестями, а с приказами.

Я зевнул, потёр глаза, тяжело поднялся с кровати и подошёл к двери. Щёлкнул замок — и передо мной предстал человек в полицейской форме.

— Вы Сергей Нестеров? — спросил он.

Я кивнул, не зная, что сказать. Он шагнул ближе, пристально посмотрел в лицо. Его взгляд был сосредоточенным и насторожённым — таким, каким смотрят, когда не исключают угрозы.

— Расскажите, что вы видели. Мы расследуем происшествие.

В голове всё ещё царила сумятица, но я попытался выстроить хронологию событий. Поведал о том, что случилось на стройке ночью: о выстрелах, о том, как спрятался за бетонными плитами, как слышал голоса — всё, как было. Полицейский слушал молча, лишь иногда кивал, словно сверяя мои слова с чем-то известным только ему.

Наконец он сказал:

— Поехали. Покажете место.

Я быстро оделся, мы вышли. Его внедорожник был старым, глухим на поворотах, но ехал уверенно. Всю дорогу он не произнёс ни слова, а я лишь сжимал ладони, пытаюсь понять: во что я влез?

Когда мы приехали, стройка выглядела спокойно — будто ночь с её ужасами была просто сном. Несколько машин, несколько полицейских, лениво обходящих периметр. Они действовали без спешки, как будто уже знали, что найдут.

Я указал, где прятался. Где мелькнула фигура. Где, как мне показалось, что-то закапывали.

Полицейские начали копать. Сначала осторожно. Потом — быстрее, торопливо, будто под ними горела земля. И вот

— показались мешки. Чёрный, плотно обмотанный полиэтилен. Один за другим, как страшные свёртки с тем, чего никто не хотел видеть.

Трупы.

Молчание нависло над местом, как дым. Даже те, кто, казалось бы, видел многое, замерли на мгновение.

Один из полицейских взглянул на меня, кивнул:

— Хотите остаться? Или лучше отвезти вас обратно?

— Вернусь, — выдохнул я. Голос прозвучал тише, чем хотелось бы.

Обратная дорога тянулась дольше. Или это нервы исказили восприятие времени. Когда мы остановились, полицейский вдруг повернулся:

— Послушайте. Лучше увольняйтесь. Ради своей безопасности.

Я уже сам подумывал об этом. После увиденного не представлял, как можно вернуться туда — на стройку, где земля буквально хранила смерть. Но прежде чем успел ответить, он добавил:

— У меня такое ощущение, что ваше начальство связано с теми, кто был там ночью.

Я вышел из машины. Подошёл к двери квартиры. Рукой потянулся к ручке — и вдруг, словно удар: Почему он приехал только сейчас? Почему полиция не была на месте сразу, а дала всему этому пролежать под землёй до утра?

Мысль была настойчивой, липкой. Она не отпускала.

Что, если он знал? Что, если они все знали?

Я попытался отогнать это — не хотелось верить в худшее. Может, были другие вызовы, может, не хватало людей... Кто знает. Неважно. Главное — я выбрал: уйду. Не буду больше частью этого.

Но всё равно... что-то внутри не давало покоя. Словно в груди поселилось чужое дыхание — тревожное, холодное, наблюдающее.

И я понял: история только начинается.

Я вошёл в его кабинет, когда решение уже было принято.

Я знал, где он будет — за тем самым столом, усыпанным папками, отчётами, документами. Всё было на своих местах, как и всегда. Этот стол давно стал символом его мира — мира порядка, точности, безошибочного расчёта. Здесь не было места вопросам. А уж тем более — сомнениям.

Я замер в дверях, не зная, с чего начать. Слова, которые хотелось бы сказать, не поддавались, словно застряли в горле.

Он сидел за столом, безмолвно перелистывая бумаги. Глаза сосредоточены, но я чувствовал — он знает, что я здесь. Знает, зачем пришёл. И всё же что-то в его поведении было... не тем.

— Пришёл поговорить? — спросил он, не поднимая глаз. Будто речь шла о чём-то обычном, рутинном.

Я кивнул. Сердце грохотало в груди, как молот. Я хотел

что-то сказать, но слова не находились.

— Ты ведь всё понимаешь, правда? — наконец, он взглянул на меня. Его лицо оставалось спокойным, почти безучастным. — То, что произошло... Это случайность. Пару разговоров, пара выстрелов — бывает. Ты не должен воспринимать это так остро. Всё уляжется, как всегда. Ты же знаешь, как у нас бывает: стройка, напряжение, обстановка... Всё это — просто часть процесса.

Его голос был сух и ровен, словно он обсуждал непогоду или задержку в поставках. Мне показалось, что он вытирает грязь с подошвы — с тем же безразличием говорил о том, что сжигало меня изнутри.

— Это не случайность, — выдавил я, едва сдерживая гнев. — Ты знаешь, что произошло. Я видел... Я был там.

Он замер на мгновение. Лицо осталось прежним. Он знал, что я прав. Но этого было недостаточно, чтобы признать.

— Я понимаю, что ты взволнован, — произнёс он после паузы. — Но у нас есть свои методы. Существуют люди, которые занимаются такими делами. Не стоит загонять себя в угол из-за одной... ночи. Всё можно переосмыслить, если посмотреть под нужным углом.

Я не мог понять, к чему он ведёт. Но суть была ясна: он снова пытался успокоить меня. Заткнуть. Сделать вид, будто ничего не случилось.

Злость и отчаяние, которые я пытался держать в узде, вдруг прорвались наружу. Это было, как волна, захлестнув-

шая до макушки. Я не заметил, как произнёс вслух:

— Я хочу уволиться. Без лишних слов. Просто оформи.

Он посмотрел на меня прямо, и я уловил в его взгляде тусклый отблеск — будто он уже знал, что так всё и закончится. Знал, что я не смогу больше молчать. Но возражать не стал.

— Ты уверен? — спросил он с той же отстранённой вежливостью. Без капли сожаления. Он знал мой ответ, но вопрос был данью ритуалу.

Я кивнул. Объяснений не требовалось. Я уже всё решил. И чем скорее это закончится — тем лучше.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда завтра заберёшь трудовую. Всё будет готово.

Я развернулся и пошёл к выходу. С каждой секундой напряжение в груди отступало. Он вновь уткнулся в бумаги, словно мы просто обсудили смену графика. Не взглянул вслед. Не остановил. Всё должно было закончиться тихо. Без шума.

На пороге я обернулся. Его профиль остался неизменным — та же поза, те же жесты, тот же стол. Только теперь я знал: для меня всё изменилось.

— До свидания, — сказал я.

Он не ответил.

Я ушёл.

Дома всё оставалось по-прежнему — те же стены, тот же

шкаф с перекошенной дверцей, тот же чайник с облупившейся краской. Как будто ничего не случилось. Как будто мир не перевернулся.

Я начал складывать вещи: одежду, документы, фотографию в рамке, где я ещё улыбаюсь. Тогда я ещё умел.

Обычная суета. Механическая. Руки движутся, как заведённые, голова — молчит. Почти.

Почти.

Потому что каждый хлопок двери в подъезде заставлял меня замирать. Каждый голос под окнами — прислушиваться, напрягаться. Я не смотрел в окно. Не хотел. Боялся увидеть их. Или его. Или просто чьи-то глаза, которые знают.

Я начал задвигать занавески, заклеивать глазок скотчем. Чувствовал себя идиотом. Параноиком. Психом.

А потом вспомнил — выстрелы. Землю, разлетающуюся у самых ног. Их головы, что поворачивались на звук, как будто знали, что я появлюсь. Ждали.

Шорох за дверью.

Я застыл.

Тишина. Может, кот. Может, сосед.

Может, уже не важно.

Я стал оставлять свет на кухне включённым. Засыпал только с телефоном рядом. В одну ночь, кажется, проспал всего пару часов. Проснулся в холодном поту, уверенный — кто-то стоит рядом. За спиной.

Но в комнате никого не было. Только стена.

Только я.

И чей-то взгляд, будто впившийся в затылок. Он не исчезал. Ни днём, ни ночью.

Я знал: уехать — правильно.

Но куда бы я ни поехал, этот страх поедет со мной. Эти шаги за спиной. Эти мешки в яме. Эти глаза, сверлящие сквозь темноту.

Что бы я ни сделал, я уже часть чего-то чужого. Чего-то страшного.

Оно не просто произошло. Оно прилипло. Въелось.

Я не знаю, найду ли покой в другом городе.

Не знаю, хватит ли смелости рассказать всё. По-настоящему. До конца.

Да и времени, может быть, уже не так много.

Но знаю одно:

Прошное не отпустит.

Оно внутри.

И оно ждёт.

«С чего начать?» — я сидел перед ноутбуком, глядя в пустое окно текстового поля.

Пальцы дрожали, будто я снова сжимал в ладонях тот самый фонарь на стройке.

Курсор мигал, как слабый пульс: я жив, я здесь, я могу говорить.

Я слишком долго молчал.

Начал с простого:

«Я был ночным охранником. Всё началось с обычного обхода...»

Слова шли тяжело — не как вода, а как гравий, соскальзывающий с насыпи.

Писал, стирал, снова писал. Каждый абзац будто сдирал с меня кожу — обнажённую, трепещущую, правдивую.

Но я продолжал. Потому что должен был.

Может, кто-то прочитает — и не пойдёт туда.

Не останется один на один с безликими силуэтами в яме.

Не будет потом просыпаться от глухих выстрелов в собственной голове.

Я опубликовал пост на форуме.

Закрыл ноутбук.

И впервые за долгое время почувствовал... не свободу.

Но движение.

Внутренний сдвиг — будто лёд подо мной начал трескаться не от ужаса, а от начала весны.

И, может быть, всё это — не зря.

Тот, кто стоит за окном

Алиса остановилась перед дверью квартиры №711. Дышала часто, порывисто — как зверь, загнанный в тупик. Коридор пах плесенью и мокрой штукатуркой; мигающие лампы наверху создавали ощущение, будто сама реальность подёрнулась рябью — и вот-вот исчезнет. Ремешок сумки натянулся под её пальцами, побелевшими от усилия.

— Последний шанс, — шепнул внутренний голос. Знакомый, упрямый, тот, что жил на дне сознания и вспоминал её слабости — промахи, бессонные вечера, вечную борьбу с невидимыми стенами, в одиночку.

Она замерла. Можно было повернуться, уйти. Раствориться в ночи, растворить себя в ней — и не узнать, что ждёт за этой дверью. Не рисковать.

Но нужда хлестнула по спине холодным кнутом.

Она постучала — три чётких удара, слишком громких в тишине.

Дверь открылась без заминки, будто за ней давно стояли, считая её вдохи. На пороге выстроились трое — мужчины в одинаково чёрных костюмах, одинаково гладких лиц, словно вылепленных из одного куска воска. Их улыбки были замершие, как дешёвая реклама. И только глаза... Глаза были мёртвы. Бесцветные. Как вода в стоячем пруду.

Но Алиса всё равно захотела им поверить. Потому что

иначе — ничего.

— Вы Алиса? — спросил один. Его голос был вязким, как влага, сочившаяся сквозь стены в старом подвале.

Она кивнула. Один шаг — и вошла внутрь.

Прохлада ударила в лицо. Воздух был застоявшимся, будто дом затаил дыхание. В глубине коридора тлел слабый свет, шаги отдавались скрипом, похожим на сбивчивое сердцебиение. Она не знала — своё ли это сердце, или чьё-то ещё.

— Уйди, пока не поздно, — бормотал внутренний голос. Но ноги не слушались.

Комната в конце коридора была пуста, как давно забытая сцена: облупленные стены, трещины, словно паутина, кресло в центре — серое, старое, упрямо ждущее. Из мутного окна лилась ночная тьма, густая, как мазут. В углу мигала камера: красный глаз следил за каждым движением. На низком столике — часы с обратным отсчётом. 07:00:00. Замерли. Начало.

— Правила просты, — сказал второй. Его улыбка натянулась, будто кожу растянули на лице. — До рассвета ты здесь. Шторы открыты. Окно перед тобой. Но что бы ни произошло — не смотри туда. Никогда.

Алиса хмыкнула. Дрожь в голосе удалось спрятать.

— И всё? Пятьдесят тысяч просто за то, чтобы не глядеть в окно?

Третий — с чересчур тёплым взглядом — наклонил голову:

— Мы изучаем реакцию на нестандартные стрессовые условия. Всё фиксируется. Камера, звук. Ты в полной безопасности, — сказал он, и его голос был сладким, как пересахарившийся мёд, тянущимся нитью между ложкой и ложью.

Алиса опустила глаза. Вспомнила, как засыпала в чужих квартирах, когда сквозь тонкие стены пробивались шёпоты, будто что-то знало, что она одна. Вспомнила ту ночь, когда не осмелилась открыть глаза.

И выжила.

— А если посмотрю? — бросила она, с наигранной небрежностью.

Они замерли. Как манекены, которых внезапно выключили. Один шагнул ближе.

— Тогда ты проиграешь. И потеряешь приз, — сказал он без тени угрозы. Словно речь шла о чём-то ненужном. О сдаче, что осталась в автомате.

(А ещё — потеряешь кое-что важнее. Но этого они не сказали.)

Комната сжалась. Воздух стал густым, почти зримым. Пол под ногами дрогнул, как зыбкое болото. Алиса знала: страх — это дверь. Главное — не открывать её.

Они протянули папку. Бумага пахла сыростью, землёй. Когда она коснулась её, на обороте вспыхнули символы — странные, будто древние. Она моргнула — и всё исчезло. Чернила на ручке были слишком тёмными. Слишком живыми.

Она подписала.

Когда она поставила подпись, тишина изменилась.

Не просто стала глубже — обрела качество, как будто что-то древнее, долго дремавшее, проснулось от звука чернил. Бумага на мгновение стала горячей, будто поглотила её имя — не в текст, а в суть.

Один из них забрал лист с осторожностью, словно это была не бумага, а ключ.

— Добро пожаловать, — сказал он. И улыбнулся — в этот раз по-настоящему. Или так показалось.

Они не провожали её — просто разошлись в стороны, растворяясь в темноте, будто отступая с линии ответственности.

Куратор приоткрыл перед ней другую дверь — та была ниже, темнее, чем остальные, с тусклым светом где-то в глубине.

— Вперёд, — сказал он. — Комната тебя уже ждёт.

Алиса шагнула через порог.

На ней захлопнулась дверь.

Комната встретила её вязкой тишиной. Воздух был плотным, как сироп, будто сопротивлялся вдоху. Каждый шаг отдавало в теле — как будто пол следил за ней, выслушивал. Скрип половиц был слишком громким. Или ей казалось?

Она подошла ближе. Кресло в центре — выцветший бархат, упрямо держащий форму, будто само не хотело исчезать. В углу, мерцая красным, наблюдала камера — слепой, равнодушный глаз, напоминающий всё.

На полу — часы. Обратный отсчёт. 07:00:00. Вспышка за вспышкой, и каждая — будто выстрел по внутреннему ритму. Она чувствовала: с каждой секундой здесь будет сложнее дышать.

Окно напротив было распахнуто. Шторы раздвинуты — как крылья мёртвого мотылька. За стеклом — чернота. Не ночь. Нечто плотнее. Пустота, которая смотрела обратно.

Алиса сжала зубы и глубоко вдохнула — выдувая страх вместе с воздухом, как будто можно было очиститься усилием.

Она села. Спина вдавилась в кресло. Руки — скрещены, прижаты к груди. Поза защиты. Или капитуляции.

«Они не сказали зачем». Мысль всплыла сама собой. Алиса попыталась отбросить её. Но не смогла.

Зачем им это? Почему я?

Что-то задело её кожу. Лёгкое движение воздуха — чужое, холодное, как дыхание. Или поцелуй. Она вздрогнула, резко обернулась.

Пусто.

Но на границе зрения — там, где никогда нельзя быть уверенным — мелькнула тень. Быстрая. Хищная. Слишком быстрая, чтобы поймать взглядом. Слишком близко, чтобы игнорировать.

Я затаился в её слепой зоне. В том месте, где страх растёт без формы. Без имени.

Пока ещё.

Но скоро.

Очень скоро.

Первые минуты Алиса сидела, затаив дыхание. Кресло казалось ловушкой, и любое движение — спусковым крючком. Она вслушивалась — в глухую тишину, в биение сердца, в случайные звуки, которые могли быть только в её голове.

Ничего.

Комната будто затаилась вместе с ней. Воздух становился всё плотнее. А часы отсчитывали секунды — медленно, точно, неумолимо. Их тиканье разносилось по телу, как отголоски чужого дыхания.

Алиса выдохнула, хрипло хихикнула — коротко, неестественно, как будто смех мог разрезать страх.

— Ну давай уже, «эксперимент»... Напугай меня... — пробормотала она, запрокинув голову.

Ответа не было. Воздух только стал тише.

Но я уже был рядом.

Время тянулось. Оно перестало быть цифрами на таймере — стало вязким, как мёд в ледяной воде. 23:30. Цифры на дисплее вспыхнули чуть ярче. Как будто комната дышала с ней в унисон.

И тогда — звук.

Тихий стук в стекло. Едва уловимый. Осторожный. Почти вежливый.

Алиса вздрогнула. Повернулась не сразу, а лишь краем

глаза — боясь нарушить главное правило.

Не смотреть.

— Сквозняк, — прошептала она. — Наверное, створка неплотно закрыта...

Голос дрогнул. Даже самой себе она не поверила.

Пальцы судорожно сжались. В теле — дрожь, которая начиналась в животе и поднималась выше, заполняя грудь.

Я чувствовал, как в ней разгорается страх. Не паника — нечто глубже. Ощущение, что за стеклом — воля. Намерение. Чьё-то внимание, от которого не отмахнуться.

Она попыталась отвлечься — достала телефон. Экран был чёрным. Ни сигнала, ни времени. Пустота.

Реальность дала трещину.

Контракт...

Что я подписала? Что именно я разрешила этим людям?

Она смотрела вперёд, вгрызаясь в собственное самообладание. Всё объяснимо. Всё логично. Это проверка. Тест. Игра.

Но время ползло.

23:40.

Три удара в стекло.

Раз.

Раз.

Раз.

Не случайно. Не ветер. Кто-то был там.

Пальцы — слышно — скреблись по стеклу, настойчиво.

Будто искали слабое место. Стекло звенело, вибрировало, словно удерживая крик.

Алиса вжалась в кресло, будто могла раствориться в нём. Костяшки пальцев побелели — она вцепилась в подлокотники, чтобы не закричать. Чтобы не встать. Чтобы не повернуться.

Не смотри. Не смотри. Не смотри.

Слёзы подступили, горячие, злые. Она чувствовала, как внутри разрывается нечто: желание бежать, кричать, бороться — и страх, цепкий, животный, который шептал: ещё немного... не двигайся...

Я стоял за стеклом.

Там, где ночь плотнее стены.

Я ждал.

И знал: всё только начинается.

Стрелка часов пересекла полночную черту.

Комната дрогнула — словно содрогнулась от холода. По полу прокатился едва уловимый толчок. Воздух стал плотным, давящим, будто стены начали сжиматься. Алиса резко вдохнула, но в лёгкие будто хлынуло нечто старое и пыльное — тяжёлое, словно запах времени.

Свет лампы мигнул, замерцал и вымер, оставив в комнате глухую серость. Всё — тускло, расплывчато, словно мир соскользнул за тонкую плёнку сновидения.

Алиса поднялась с кресла, дрожащими руками нащупы-

вая выключатель. Нажала — ничего. Опять. Ещё. Света не было.

Она вернулась к креслу и замерла, стараясь услышать хоть что-то, кроме собственного дыхания. Тишина снова сгустилась — не пустая, а живая. Давящая.

И тогда — звук.

Скрип. Где-то за спиной. Будто половая доска под чьим-то весом. Алиса обернулась — резко, вслепую — и никого. Только комната. Только полумрак. Только она.

Ты одна... ты одна...

Окно. Её взгляд метнулся к стеклу.

На его запотевшей поверхности начали проявляться следы. Сначала — хаотичные, будто чей-то палец лениво водил по стеклу, оставляя тонкие, расплывчатые линии. Они дрожали, как мурашки на коже.

А потом — ясно, твёрдо, выверено:

СМОТРИ.

Алиса отшатнулась, вжалась в кресло, затылком — в спинку, будто можно было оттолкнуться от реальности.

— Нет... — выдохнула она. — Я знаю правила. Я помню...

Она закрыла глаза и начала считать: раз... два... три... — но пальцы не слушались. Всё тело сжалось в узел. Стекло тем временем менялось.

В нём проступала тень.

Сначала — расплывчатая, туманная. Потом — вытягива-

ющая, будто ростом не человек, а нечто большее. Тень двигалась — медленно, настойчиво — и голова её коснулась стекла. Остался жирный, мерзкий след — как след дыхания... или гниющих губ.

Алиса вскочила. Сделала два шага от окна, наткнулась на стол, задела локтем край — боль вспыхнула, как искра, но была... реальной. Спасительной.

Она схватила со стола чашку — пустую — и бросила в угол. Шум. Разбитая керамика. Ещё доказательство: ты здесь, ты жива, это правда.

Но и это не помогло.

В голове — звон. Дрожащая рябь на грани сознания. Она сжала ладони к вискам, прошептала:

— Это не ты. Это не ты. Это не она.

Но голос... голос прозвучал за спиной — тёплый, хриплый, обволакивающий:

— Дочка... мне страшно...

Алиса застыла.

Это был голос матери.

Тот самый — из детства, из больничной палаты, где пахло лекарствами и тишиной. Голос, что был последним, прежде чем осталась пустота.

— Нет, — прохрипела она. — Нет. Этого быть не может...

Шаг. Будто кто-то подошёл ближе. И снова:

— Почему ты не смотришь?.. Мне холодно...

Слова впивались в сердце когтями. За каждым звуком —

память, тепло, любовь... и невозможность.

Алиса повернулась на полшага, и тут же одёрнула себя. Уперлась взглядом в стену, словно могла расплавить её силой воли. Дышала тяжело. В груди — огонь.

Тень за стеклом дрогнула. Начала расползаться, словно масло на воде — с каплями, нитями, языками. И всё — к ней. Руки, длинные, почти вязкие, тянулись к её лицу.

Алиса отступила назад, натолкнулась на кресло и рухнула в него, вцепившись в подлокотники.

Не смотри. Не верь. Не дай этому войти.

Я стоял рядом.

Ближе, чем казалось. Почти внутри её мыслей. Пропитывая их.

Я улыбался — не губами, а сущностью.

С каждой секундой её воля трещала, как лёд весной. С каждым вдохом она сдавалась чуть больше.

И время было на моей стороне.

Мир Алисы трещал по швам.

Часы на потрескавшейся стене тикнули дважды — коротко, хрипло, будто и сами задыхались от усталости. Стрелки застынуты на 2:00.

Комната вздрогнула.

Холод подступил не рывком, а медленно, вязко. Он полз из щелей, сочился сквозь трещины в стенах, подкрадывался по полу, как вода по тонкой ткани. Алиса натянула куртку

на плечи, но ткань тут же стала мёртвой, как будто пропиталась этой сыростью — не просто физической, а... чем-то иным. Будто смерть сама шептала сквозь волокна: ты здесь не хозяйка.

И тогда началось.

На запотевшем стекле, там, где раньше возникало это ужасающее «СМОТРИ», появилось движение.

Снаружи что-то царапало. Мучительно, скрежеща, как гвоздь по эмали.

Одна линия. Потом вторая — пересекающая первую. Третья — неровная, резкая, как удар когтя в ярости. Шрамы на стекле множились, превращаясь в нечто среднее между безумной вязью и паутиной — будто само стекло сопротивлялось, но проигрывало.

Алиса зажала уши руками, сжалась в кресле. Но звук не утихал — он не звучал, он жил внутри неё. Словно в груди царапали изнутри, шоркая по нервам, проникая до позвоночника.

Это как в тот раз, подумала она. Они всегда начинают с окна.

Она знала: если окно откроется — всё кончено. Всё, что по ту сторону, рвётся внутрь. Через стекло, через трещины, через глаза, если смотреть.

Нельзя смотреть.

Царапанье оборвалось.

Тишина была даже страшнее звука.

И тут — медленный скрип. Рама начала двигаться.

Сначала едва слышно. Потом — с хриплым усилием. Будто кто-то вцепился в неё изнутри, из глубины стекла, и теперь тянул раму наружу.

Холод ворвался в комнату — как запах подземелья: плесень, гниль, что-то сладковато-тяжёлое, от чего хотелось зажать нос, но не было сил.

Алиса видела — в щели — движение. Фигура. Неясная, как отражение в пруду, нарушенном камнем. Воздух дрожал, и с ним дрожало тело за стеклом.

Но глаза...

Глаза были чёткими. Две чёрные воронки, в которых не было света. Не было жизни. Не было конца.

Алиса вскочила. Её тело двигалось прежде, чем она успела подумать. Она бросилась к окну, вцепилась в раму — холод ударил в ладони, как раскалённый лёд. Потянула.

Но рама не поддавалась.

Будто кто-то изнутри держал её. Не руками — намерением. Воля. Чужая. Тёмная. Страшно человеческая в своей упёртости.

— Закройся... закройся, чёрт тебя...

Она рванула сильнее. Пальцы дрожали. Казалось, стекло вот-вот выдохнет — и всё рухнет.

Из щели пахнуло мёртвым.

Тошнотворная сладость костей, оставленных в сыром подвале. Гниль, что таится в старых домах и забытых снах. Этот

запах был всегда, когда они пытались пробиться. Она помнила. Слишком хорошо.

И тогда — шёпот.

Хриплый. Сухой. Как если бы кору дерева поломали пальцами:

— Пусти...

Одно слово. Но оно врезалось в сознание, как заноза в мозг. Алиса вскрикнула, отпустила раму, отшатнулась — споткнулась о кресло, рухнула на пол.

Мир качнулся, словно потолок захотел стать полом. Края зрения потемнели.

Ты не должна смотреть. Нельзя. Никогда. Только так ты останешься собой.

Но она чувствовала: что-то уже внутри.

Что-то, что скользит по трещинам в её сознании, оставленным страхом, усталостью, воспоминаниями. Оно ждёт. Оно вырастает.

А я стоял по ту сторону стекла.

Всё ближе.

Почти внутри.

Каждое её поражение — новая трещина. И я входил сквозь них.

Тихо. Не торопясь. Со вкусом.

Скоро. Очень скоро.

Часы на стене щёлкнули — глухо, хрипло, как последний

выдох умирающего. 3:30.

Половина ночи позади. Начиналось время отчаяния.

Комната, некогда просто заброшенная, теперь казалась тяжело больной. Стены подрагивали, будто под их серой кожей что-то ворочалось. Пол стонал, как связки на пределе разрыва. Воздух был плотным, как если бы кто-то медленно вдавливал невидимую ладонь ей в грудь.

Алиса сидела в кресле, обхватив колени. Но уже не как жертва — как загнанное животное, что перестаёт дрожать и начинает выискивать путь к прыжку. Её глаза были широко открыты, слёзы застыли на скулах, но в зрачках теплился пульс разума. Оставшаяся часть, что ещё сопротивлялась.

И тогда я подошёл ближе.

Шаг за шагом. Беззвучно. Неуловимо.

Стекло снова ожило.

На инеистой поверхности зашевелились тени — тонкие, как щупальца, словно кто-то водил пальцем с обратной стороны, выцарапывая путь. Линии путались, исчезали, вновь возникали, и наконец, начали складываться в слово.

ПОЗДНО.

Алиса прижалась к креслу, но не зажмурилась. Нет. Она смотрела. Впервые — до конца. Как будто только увидев всё, можно было найти слабость.

— Что ты хочешь? — выдохнула она. Голос дрожал, но он был. И был её.

Слово на стекле стало жирнее, будто его вгрызали изнут-

ри. Под ним начали появляться капли — тёмные, густые, как мазут, как застоявшаяся кровь. Они медленно стекали, оставляя на стекле борозды — не физические, а... как трещины в восприятии.

Алиса вздрогнула, но не отвела взгляда. В её памяти всплыл момент — тот самый, в больничной палате, где она впервые увидела такие капли, — и как тогда всё изменилось.

Это не галлюцинация. Это вторая сторона. Она пришла за мной.

Замок на окне щёлкнул.

Тихо. Как бы между делом.

И створка тронулась.

Она не распахнулась — ползла, будто не имела права на существование в этом мире. Как если бы само пространство сопротивлялось ей, но проигрывало.

Занавески взметнулись, затрепетали, как белые крылья у марионеток без нити. Воздух хлынул в комнату — холодный, гнилой, с привкусом земли, что давно перестала быть частью живого.

Алиса вскрикнула и сжала уши, но тут же разжала руки. Встала. Колени дрожали, но она сделала шаг вперёд.

— Не боюсь, — прошептала она. Враньё. Но иногда ложь — это единственное, что можно бросить в лицо темноте.

И тогда я рассмеялся.

Но это был не смех. Это была трещина в реальности, которая пошла по стенам, полу, стеклу. Это был шёпот гнили,

что пел в костях. Это был скрип досок, которые не выдержали под весом чего-то невозможного.

Смех был везде.

Он жил в её груди, словно сердце теперь билось не кровью, а холодом.

Алиса пошатнулась, схватилась за подоконник. Руки были липкими от конденсата, но она не отпускала. Она не могла позволить ему открыть окно полностью.

И вдруг — резкий толчок изнутри. Рама вздрогнула. Словно кто-то ударил по ней из другого мира.

Алиса закричала — не от ужаса, от ярости. Она вцепилась в край створки, навалилась телом, и с глухим рывком потянула назад. Доски затрещали. Ветер взвыл.

— Ты не возьмёшь меня, — прорычала она. — Не сейчас. Не так.

Она удерживала.

Руки сводило. Суставы ныли, но она стояла. Словно вся её жизнь сжалась в один этот момент — в один этот обрывочный, отчаянный акт воли.

А я стоял за стеклом.

Ближе, чем когда-либо.

Она чувствовала — с каждой секундой я находил новые пути в её разум. Через старые страхи. Через запах, звук, отражение. Сквозь трещины памяти.

Но теперь в этих трещинах была и она.

Соппротивление.

Соппротивление, что ещё дрожало, но жило.

Скоро.

Очень скоро.

5:50.

Комната пахла страхом — густым, липким, с примесью мокрой шерсти и чего-то древнего, забытого. Воздух дрожал, как после удара, застыв в тягучем напряжении.

Алиса сидела в кресле. Не совсем сидела — больше зависла, как иссохший лист, едва державшийся на ветке. Глаза её были выжжены бессонной ночью, руки — сплелись на коленях, но не из страха, а из необходимости удержаться, не раствориться.

Часы тикали. Каждый удар был как слабый удар сердца — будто время само медленно умирало вместе с её волей.

И всё же — где-то глубоко внутри — теплилось упрямое, почти детское чувство:

Я выстояла. Я здесь. Всё позади.

Я смотрел на неё.

На её бледное лицо, на прикусанные губы, на скованные, искривлённые пальцы.

Хрупкая. Уставшая.

Живая.

Но я знал — именно перед концом рождается самая яркая надежда.

Её нужно пустить в душу. Чтобы потом, когда она сорвёт-

ся в бездну, падение было полным.

Алиса заморгала. Мир перед ней слегка накренился — будто стены сдвинулись, теряя очертания. На обоях проступали тени, похожие на лица — размытые, безглазые, как отражения в грязной воде.

Она зажмурилась.

«Это иллюзия. Просто остаток кошмара. Я проснусь... Я уже проснулась...»

Но потом — звук.

Громкий. Слишком реальный.

Дверь распахнулась с оглушительным грохотом, и в этот миг мир сорвался с петель. Алиса вскрикнула, инстинктивно прижавшись к креслу. Плечи дёрнулись, дыхание оборвалось — страх снова прорвался, не давая ей вздохнуть.

Их было четверо.

Чёрные фигуры. Лица под капюшонами — скрыты, будто стерты. Они двигались странно, неестественно, как тени в обратной перемотке.

Блестели короткие лезвия — не как оружие, как приговор.

Алиса пыталась понять, не столько происходящее, сколько своё место в нём. Её взгляд метался: стена, окно, тени, ножи — всё казалось не частью реальности, а чужим сном, в который она была вброшена без согласия.

Шаг.

Шаг.

Круг сомкнулся.

Она прижалась к креслу, её дыхание стало частым, но в нём уже не было крика. Слишком много было страха раньше — теперь он стал тихим. Умным. Пронизывающим.

И тогда появился он.

Куратор.

Обаятельный. Раньше — с улыбкой. Теперь — с лицом каменной статуи, как надгробие, выточенное в честь проигравшего.

Он подошёл. Медленно, с особой заботой.

Наклонился.

Его дыхание было тяжёлым, пахло пеплом, серой и землёй, которая лежала слишком глубоко.

Шёпот — почти нежный:

— Поздравляем. Ты выиграла. Приз — твоя жизнь.

Пауза.

— А её забирает Алварот.

Меня.

Мир качнулся.

Как декорации театра, которые вдруг обнажили пустоту за кулисами.

Алиса открыла рот, чтобы что-то сказать — протестовать, спросить, понять, — но голос не появился. Он застрял где-то между горлом и мыслью.

«Выиграла? Почему так больно? Почему я не могу... двигаться?..»

Она не могла дышать. Но даже не от страха — от ошуще-

ния, что её больше нет.

Я видел, как рушилось всё.

Каждая идея, каждая надежда, каждый образ спасения — падали в тишину, как пепел с ладоней.

В её глазах осталась только пустота.

Я шагнул к ней.

Не извне.

Изнутри.

Сквозь трещины, которые мы копали с ней долго. Сквозь сон. Сквозь голос. Сквозь сомнения.

Мои рабы подняли ножи.

Медленно.

Ритуально.

Для меня.

Комната наполнилась вязкой, серой тишиной. Ни страха, ни боли — только неизбежность, как свинец на языке.

И за окном начинал бледнеть рассвет.

Но для неё —

Он уже не наступит.

Ты ведь знал, чем всё закончится, правда?

С самого начала — как только увидел первый шорох, почувствовал первую тень. Может, даже раньше.

Ты ведь не первый, кто сюда пришёл. И, думаю, не последний.

Алиса? Она сделала выбор. Подписала контракт, села в

кресло, отвернувшись от окна. Молодец. Или глупая. Какая, по-твоему, разница?

Она бы умерла в любом случае.

Нет, правда — абсолютно в любом.

Смотрела бы — умерла. Не смотрела — умерла.

Не из-за проклятия, не из-за нас. Из-за себя.

Жадность — штука универсальная. Просто у одних она про деньги, у других — про ответы. У третьих — про иллюзию контроля.

Алиса хотела понять, хотела сыграть, хотела выжить. Всё сразу.

Так не бывает.

Интересно другое.

Ты всё это читаешь и будто бы на её стороне. Сопереживаешь.

И всё же не вышел. Не остановился.

Ты шёл дальше. Смотрел, как она сходит с ума. Слушал меня.

Ты выбрал остаться.

Пусть и просто глазами.

Но я ведь говорил: достаточно взгляда.

А теперь я могу сказать тебе честно — у меня нет особой ненависти. Или любви. Я не мщу. Не караю. Я наблюдаю. Я фиксирую.

Я... необходим.

Как тень под фонарём.

Как пауза между ударами сердца.

Ты думаешь, ты не на её месте?

Думаешь, ты в безопасности, пока читаешь?

Ах, как наивно.

Ты же знаешь — всё, что нужно, чтобы я пришёл, это дверь. Или окно.

И один взгляд в неправильную сторону.

Пустяк.

Ты удивишься, как часто люди сами его бросают.

Из любопытства.

Из скуки.

Из желания понять.

Они всегда хотят знать, как всё на самом деле.

Как будто правда что-то меняет.

Смотри. Я не лгу.

Я даже предупреждаю.

Ты можешь выключить экран.

Можешь забыть про Алису. Про меня. Про этот текст.

Но ты ведь всё равно — посмотришь.

В окно.

В чёрное стекло.

В своё отражение.

И в тот самый миг, когда ты решишь, что всё — просто рассказ, просто игра...

Я там буду.

Не потому что ты мне нужен.

А потому что ты уже здесь.

Разрушительная терапия

Я больше не помню, как чувствуется бодрость.

Каждое утро начинается с попытки встать. Это не подъём — это сбор тела по частям. Движения лишены логики, суставы будто заливает бетоном: медленно, намеренно, без права выбраться. Первые шаги — не шаги, а крошечные перемещения, почти по инерции.

Тело не болит. Оно сопротивляется.

Усталость стала фоном. Всё остальное — лишь помехи на этой частоте.

За окном стучат колёса мусорного контейнера. Кто-то зовёт собаку. Эти звуки доносятся сквозь стекло, сквозь сон — как из другой жизни. Не моей.

В моей — тишина. И только суставы щёлкают в ритме утра, только выключатель в ванной отзывается резким щелчком, как команда: «Вперёд».

Сначала я думал, что смогу её обмануть. Болезнь.

Рацион, режим, спорт, дыхательные практики — всё выглядело как контроль. Потом — терапия. Первый курс препаратов дал надежду: казалось, стало легче. Второй показал пределы. Третий — напомнил: это не борьба, а наблюдение. Дальше началась статистика.

Процент улучшений. Риск побочных. Вариативность ответов.

— Мы попробуем новую схему, — сказал врач, не глядя мне в глаза. — Речь идёт об экспериментальном протоколе. Есть данные по безопасности, но мало практики.

Я кивнул. Не потому что согласен — просто потому что не было варианта, где я отказываюсь.

Я изучил инструкции. Прочитал всё, что нашёл. Форумы, отчёты, примеры. Побочные эффекты перечислены скупой: тошнота, бессонница, аритмия.

Примеры успешных случаев — есть.

Неуспешных — просто тишина.

Так и пишут: «Пациент выбывает из исследования». Без подробностей.

Я не спрашиваю, стоит ли.

Я спрашиваю: а если не сработает?

И — а если станет хуже?

Меня не пугает боль. Я привык. Меня пугает неопределённость. Она не режет, не колет. Она точит. Медленно. Без звука.

Мне тридцать пять. Это слишком рано — жить между дозами, симптомами и циклами терапии.

И слишком поздно — верить, что всё ещё впереди.

Тревога не кричит. Она звучит как тихий звон, не прекращающийся ни днём, ни ночью. Он не нарастает, не стихает. Просто есть.

Иногда я думаю, что он идёт не снаружи. А изнутри. Из-под пола.

Как будто что-то включилось. Или кто-то.

Как будто меня наблюдают.

Я не уверен, что боюсь.

Просто больше не верю в облегчение.

Первую дозу я принял утром.

Без ритуалов. Просто вода, капсула, глоток.

Вкус — никакой. Ощущение — как в процедурном кабинете: чисто, холодно, безлично.

— Реакция может быть не сразу, — сказал врач, не отрывая взгляда от экрана.

Я кивнул.

— Возможны изменения в состоянии. Физические. Эмоциональные. Мы отслеживаем.

Он говорил спокойно, без нажима. Тон — нейтральный, как будто зачитывал протокол. Словно не со мной, а про меня.

И это меня устраивало. Мне не нужны были заверения — только данные.

Данные были.

Пока он продолжал, экран за его спиной чуть дрогнул. Едва заметное мерцание. Как будто на секунду соскользнуло изображение, будто кадр ушёл вбок — и тут же вернулся.

Не мигание. Не глюк. А именно соскальзывание — как старое видео.

Врач не отреагировал. Или сделал вид.

Я тоже не стал спрашивать.

Эта попытка — не продолжение прошлых. Не часть цепочки.

Новая переменная. Новый эксперимент.

Так проще: без багажа разочарований. Только вводные, гипотеза и наблюдение.

Я написал врачу, что готов соблюдать протокол. Что буду фиксировать все симптомы.

Он ответил коротко:

«Принято. Будем отслеживать.»

Без «удачи», без «держитесь». Просто — факт. И этого достаточно.

Мне не нужно облегчение как награда.

Мне нужно — тишина.

Чтобы утро не начиналось с вопроса: а не стало ли хуже?

Пока изменений нет. И это — нормально.

Главное — не заполнять пустоту тревогой.

Главное — не придумывать то, чего нет.

Психика любит играть в прогнозы. Я — нет.

Я решил.

Всё, что было до — шум. Это — начало отсчёта.

Если придётся, я начну считать время отсюда.

Сначала — звук.

Щелчок, будто выключатель где-то за спиной. Едва слышимый, но точный. Я обернулся машинально — пусто.

Тишина, книги на полке, ноутбук в спящем режиме. Свет от уличного фонаря нарезал комнату на геометрию теней. Я списал всё на старые трубы, на дом, который дышит по-своему.

Рациональное объяснение — как болеутоляющее: не лечит, но помогает выдержать.

На следующий день — движение. В углу зрения, как насекомое, промелькнувшее в тишине. Резкий поворот головы — и ничего.

Я проверил свет, угол падения, жалюзи. Всё совпадало. И всё же что-то не укладывалось.

Свет не двигается так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.